

БЕРЕГ ЖИВЫХ III

ВЫБОР БОГОВ. КНИГА ВТОРАЯ

АННА СЕШТ

Анна Сешт
Берег Живых. Выбор
богов. Книга вторая
Серия «Берег Живых», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Ренэф возвращается в Таур-Дуат, чтобы ответить за произошедшее в Лебайе. Сам того не зная, он помогает восстановить недостающий фрагмент в расследовании.

Вся Империя отмечает Разлив Великой Реки. Ежегодный праздник – время примирений, порой весьма неожиданных. Но силы Владыки угасают, и этот Разлив может стать для него последним.

Обучение Анирет восходит на новый виток. Вовлечённая в придворные тайны, она замечает больше, чем полагают другие, и с помощью ближайшего союзника начинает собственное расследование.

Меж тем по рядам сторонников царицы прокатывается волна жутких необъяснимых смертей...

Содержание

Часть 2	4
Глава 22	4
Глава 23	36
Глава 24	64
Глава 25	89
Глава 26	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Анна Сешт

Берег Живых. Выбор богов. Книга вторая

Часть 2

Глава 22

Отец и мать не могли нарадоваться – увлечения сына, казавшиеся сомнительными некоторым представителям благородного эльфийского общества, наконец-то оправдали себя. Грядущее назначение было высоким, хоть и опасным. К нему прилагалась награда – не только несколько чистейших драгоценных камней, но и достойная должность при дворе по завершении миссии. Шутка ли, быть отмеченным милостью высокорождённых!

Небогатому, пусть и талантливому молодому аристократу подняться в эльфийском обществе было очень нелегко. Власть в Данваэнноне удерживали роды, получившие её в незапамятные времена, и менялась структура редко. А жил народ наследников фэйри долго и на перемены шёл неохотно. И вдруг неслыханная удача – успехи юноши в изуче-

нии культуры соседнего государства были замечены. Не кого-то, а его, Келаэлира из пока ещё не прославленного рода Линнтэ, выбрали! У юноши голова шла кругом, когда он представлял, какие великолепные перспективы развернутся перед ним, когда он сделает всё возможное для закрепления мира между государствами. Но что самое прекрасное – он побывает в чудесной стране, о которой столько читал и мечтал, и будет удостоен высочайшей чести, аудиенции у правителя, чья мощь способна сравниться с мощью эльфийских властителей древности! Он увидит прекрасную царицу, о красоте которой слагают песни! Кто знает, возможно, ему даже позволено будет перемолвиться словечком с государственным мужем, которого уважают и самые нетерпимые эльфы, а сам Келаэлир разве что не боготворит: со старшим царевичем Хатепером, величайшим дипломатом своего времени! Если Император позволит, конечно же, и если господин Хатепер сообразовалит... Ах, как много хотелось узнать юному сыну рода Линнтэ из первых рук! Все письменные труды мудрейшего рэмеи, которые только возможно было найти по эту сторону гор, Келаэлир давно прочёл не по одному разу и даже сделал несколько копий и переводов на эльфийский. Разумеется, стать равным прославленному рэмейскому вельможе, брату Императора, он не мог и мечтать. А всё же лестно было думать, что раз теперь он ступает на поприще дипломатии, это в чём-то роднит его с великим рэмейским царевичем.

Келаэлир уже едва мог ждать. Лорд Каэлисс, посланник самого Высокого Лорда Саэлвэ, стал частым гостем в их доме, но о точном сроке путешествия пока не сообщал – Её Величество ещё не приняла решение. Как долго Келаэлир мечтал побывать на родине мудрых кудесников-жрецов, прозревающих тайны мироздания... могучих воинов, не понаслышке знакомых с понятиями о чести... великих учёных, способных проектировать едва ли не вечные каменные сооружения... и, конечно же, прекраснейших женщин – воплощений живого обжигающего пламени... Что ж, ради такого можно было подождать и ещё немного – ожидание того стоило!

Сегодня лорд Каэлисс снова наведался к ним, и отец с матерью расстарались, встретив дорогого гостя щедрым обедом, достойным, как казалось Келаэлиру, даже высокорождённых. Посланник прибыл с подарками, согласно этикету равнинников и жителей Перекрёстков – как известно, наиболее цивилизованных народов Данваэннона. Беседа за столом текла размеренно. Келаэлир больше слушал, чем говорил, чтобы не пропустить ничего важного. Ему, как и многим эльфам, было очень любопытно, как же прошёл последний Совет Высокорождённых: по приказу Пресветлой то, о чём говорилось на собрании, не предавалось огласке. Однако лорд Каэлисс с прискорбием отметил, что он и сам того не ведал, поскольку Высокий Лорд Саэлвэ неизменно читил волю Её Величества и даже со своими доверенными произо-

шедшего не обсуждал.

– Стало быть, и о грядущем посольстве пока ничего не известно? – спросила мать.

– Увы. Но смею заверить Вас, моя леди, вы будете первыми после меня, кто узнает, – с учтивой улыбкой заверил её посланник. – Однако же сегодня я принёс весть, которая, полагаю, порадует гостеприимных хозяев, за чьим столом я имею честь обедать.

Келаэлир встрепнулся и бросил взгляд на отца. Глава дома Линнтэ сохранил приличествовавшую его положению выдержку, но в глазах его вспыхнул почти юношеский интерес.

Эльфы ничего не делали быстро. Пока лорд Каэлисс выдержал необходимую паузу, пока по жесту матери слуги произвели смену блюд, прошла, казалось, целая вечность. А за десертом, когда подали травяной чай и сладкое летнее вино, посланник произнёс цветистый, полный благодарностей за гостеприимство тост и торжественно закончил:

– Мой господин приглашает вашего сына ко двору дома Саэлвэ.

– Какая честь, – выдохнула мать, и Келаэлиру показалось даже, что сейчас она лишится чувств от избытка впечатлений.

– Благодарим Вас, мой лорд, – с едва сдерживаемым торжеством чинно кивнул отец и неодобрительно посмотрел на наследника. – Ну что же ты молчишь, сын?

Келаэлир просто не находил слов. Он пробормотал что-то

сбивчивое о своей готовности служить высокорождённому, и лорд Каэлисс милостиво улыбнулся.

– Мне понятно Ваше смущение. Не каждый день мы получаем личное приглашение от одного из наших высокочтимых правителей, – он выложил на стол перетянутый серебряными нитями изящный свиток. – Смею заверить, в Ваших качествах никто не сомневается. Мой господин лишь хочет лично оценить Ваши уникальные таланты и знания, о которых столько наслышан.

Келаэлир вспыхнул и поклонился.

– Мой сын оправдает ожидания Высокого Лорда, – с гордостью проговорил отец.

– Без всякого сомнения, – улыбнулся посланник.

Юноше показалось, что за его спиной распахнулись крылья. Он не мог отвести взгляда от свитка с приглашением, едва в силах дожидаться, когда же прочтёт его. И хотя грядущая встреча с высокорождённым вызывала вполне объяснимый трепет, Келаэлир ясно видел, как двери блестящего будущего распахнулись перед ним.

* * *

Хрустальная мелодия флейты и журчание маленьких водопадов убаюкивали сад, убаюкивали мысли. В густых ветвях то тут, то там проглядывали шары с мириадами золотистых светлячков. Мягкий свет лился на тропу, переходив-

шую в раскинувшиеся над заводами узорные мостики, заботливо выращенные эльфами из зачарованных древ. В тёмном зеркале воды изредка вспыхивали яркие серебристые отблески чешуи ночных жемчужных рыб. Их спинки сквозь водную гладь ловили лунный свет и мерцали, как блуждающие огни колдовских чащоб у Перекрёстков Фэйри.

Келаэлир замирал от восторга, идя по садам и рощам рода Саэлвэ вслед за лордом Каэлиссом. Всё здесь казалось ему чудесным. Ожившее фейское волшебство из легенд Высокий Лорд Иссилян приручил себе на радость. Воистину, такое было под силу только высокорождённым. Келаэлир ни на миг не забывал, где было его место и место даже лорда Каэлисса, доверенного посланника Высокого Лорда. Между высокорождёнными и другими аристократами лежала пропасть не меньшая, чем между аристократами и простыми эльфами или даже людьми. Их магия не знала себе равных и служила самой верной опорой их положению в обществе.

Положение же рода Линнтэ было шатким с тех недавних пор, как поднялась настоящая буря, ведь изначально Линнтэ были вассальным кланом Высокого Рода Арель. Впрочем, далеко не самым значительным и заметным кланом... То ли дело клан Ассаи, которому Арели действительно доверяли многие свои дела!

Родня Келаэлира не имела в Данваэнноне особого влияния. В политические игры они, в основном, предпочитали не вмешиваться, не участвовали в заговорах и вообще боль-

ше уважали искусства и науки. Давний их предок когда-то, ещё до объединения эльфийских народов, отличился в военном походе и в награду получил звание аристократа. Предком, безусловно, гордились, но в общем-то на том достижения эльфов Линнтэ, не отличавшихся особой амбициозностью, и заканчивались. Никто из них не сделал чего-то, заслужившего славы в веках.

Но тень преступлений Высокого Лорда Тремиана Ареля пала и на самые незначительные из служивших ему родов. А преступления были столь страшны, что о некоторых из них говорили только шёпотом в закрытых покоях, а то и вовсе не решались говорить. В частности – и об этом Келаэлиру, обожавшему всё рэмейское, было думать особенно тяжело – именно Арели были повинны в обострении отношений с Империей Таур-Дуат. Глава рода, Тремиан Арель, был эмиссаром Её Величества в рэмейских землях, но распорядился он своей властью и связями таким образом, что наследный царевич Эмхет то ли погиб, то ли исчез без следа. И это было лишь одним из немногих его дел по обе стороны гор – дел, которые до сих пор вскрывались и имели тяжёлые последствия. Может, кто-то, воспользовавшись бурей, приписал Арелям и свои собственные промахи и преступления – но о том было судить точно не ему, молодому эльфу из далеко не самого прославленного рода, даже если б он хотел в этом как следует разобраться. В Данваэнноне, как известно, лучше не задавать лишних вопросов, особенно ступив на

болотистую почву. Ну а уж оказаться размолотым жерновами игр высокорождённых не хотелось никому.

Каким чудом Линнтэ вообще удалось сохранить положение аристократов, Келаэлир мог только гадать, но точно знал, кого стоило за это благодарить: Высокого Лорда Исси-лана. Самым первым, опередив даже Высокий Род Тирири, взявший под крыло некоторые опальные семьи, чья вина пока ставилась под сомнение, род Саэлвэ защитил семью Келаэлира.

Келаэлир хотел отплатить добром за добро, хотя и понимал: всей его жизни, даже очень долгой жизни – а остальные эльфы и жили меньше, чем высокорождённые, – не хватит на то, чтобы вернуть неоплатный долг. Но он обещал себе, что будет служить Высокому Лорду Иссилану верой и правдой, и все свои знания – а именно знания, как Саэлвэ изволил дать понять, и были сейчас нужны – пустит на благо этого клана.

Посмотрев в спину своего спутника, Келаэлир в очередной раз задался вопросом, какими путями пришёл к службе Высокому Лорду сам Каэлисс, ставший дорогим гостем в доме Линнтэ. Да и из какого он был рода? Посланник Иссилана Саэлвэ никогда не упоминал имя своего рода, а так и представлялся – лорд Каэлисс. Если это и было родовым именем, то о таком клане Келаэлир не знал. Возможно, с ним была связана какая-то история, о которой не принято говорить. Или же изначально он и вовсе не принадлежал к аристократии, а возвысил его уже сам Высокий Лорд Иссилан?

Черты лица Каэлисса были жёстче, грубее, чем у многих эльфов, рождённых в этой части Данваэннона. Возможно, в его жилах текла кровь горных кланов, а предки тех не гнушались и браков с людьми. Разумеется, спрашивать Келаэлир не стал бы ни за что – не позволял этикет, да и обижать посланника ни в коей мере не хотелось, поскольку тот был всегда учтив и даже добр к семье Линнтэ. Потому Келаэлир неизменно оставлял свои мысли при себе. А думал юноша, что Каэлисс был обязан Высокому Лорду Иссилану не меньше, чем он сам. Может, когда-нибудь и ему удастся завоевать доверие посланника Саэлвэ? По крайней мере, Келаэлиру этого очень бы хотелось. Но подобные вещи у эльфов, так или иначе приближённых к элите общества Данваэннона, происходили нечасто... и не быстро.

Приближённых к элите... Когда Келаэлир думал об этом, голова шла кругом. Арели не приближали его семью к себе – и, как оказалось, к лучшему. И вот теперь ему предстоит аудиенция у самого Высокого Лорда Иссилана!

Меж тем лорд Каэлисс замедлил шаг, и вскоре они ступили на вымощенную мелкой разноцветной смальтой дорожку. Впереди Келаэлир увидел беседку из белоснежного резного камня, увитую лозами диких чайных роз. Такие беседки он уже подмечал в садах, пока они шли, – места отдохновения и медитаций.

Юноша постарался не сбиться с шага, но дыхание у него перехватило, когда он увидел фигуру эльфа в синих с сереб-

ром одеждах, ожидавшего их в беседке. Неужели сам Высокий Лорд?..

В нескольких шагах лорд Каэлисс остановился и глубоко поклонился, украдкой сделав жест Келаэлиру. Юноша почтительно преклонил колени, выслушал витиеватое приветствие высокорождённому, привычно нараспев произнесённое посланником. Ему самому до поры надлежало молчать, пока Высокий Лорд не изволит обратиться к нему.

– Покажи же мне нашего гостя, Каэлисс, – мягко велел Иссилян.

Посланник, до этого стоявший между ними, почтительно отступил.

– Я желаю говорить с тобой, юный Келаэлир, – сказал высокорождённый, оказав юноше огромную честь уже самим тем, что знал его имя. – До меня доходили слухи о твоих редких знаниях, о тонком чувствовании рэмейской культуры.

По жесту Высокого Лорда юноша поднялся и нерешительно посмотрел на него. Говорили, что Иссилян Саэлвэ очень стар, но никто не мог сказать точно, сколько ему лет. Некоторые из людей и неблагородных эльфов вовсе считали его бессмертным. Лицо Высокого Лорда в обрамлении серебристых волос напоминало безмятежные прекрасные лики статуй, лишённые печати возраста и каких бы то ни было страстей. Лёгкая ободряющая улыбка тронула губы высокорождённого, побуждая Келаэлира ответить на вопрос.

– Мой лорд, я лишь смею надеяться, что знаний моих ока-

жется достаточно, чтобы быть полезным Вашему роду, – почтительно проговорил молодой эльф.

– Не все в Данваэнноне могут поддержать такого рода беседу достойно, – Иссилян задумчиво посмотрел куда-то за спину своего гостя, в глубину рощи. – Пройдём со мной. Изволь говорить свободно. Давно мне не с кем было обсудить речи древних рэмейских мудрецов.

Келаэлир почувствовал, как его сердце учащённо забилось, но склонил голову, пряча неуместный в присутствии высокорождённого восторг. Подчинившись жесту Саэлвэ, он последовал за Высоким Лордом – на положенной по этикету дистанции. Удивительно, но лорд Каэлисс остался ждать у беседки, не присоединился к прогулке – высокорождённый пожелал говорить со своим гостем наедине.

– Верно ли мне доложили, что многое ты почерпнул из трудов старшего царевича Эмхет, великого дипломата Хатепера? – молвил Иссилян, не оборачиваясь.

– Всё именно так, мой лорд, – тихо подтвердил Келаэлир. – Его мудрость и тонкость смыслов изречений поражает воображение... Изначально я овладел рэмейским языком для того, чтобы прочесть его тексты в оригинале. Не потерять нюансов. Язык, он ведь... – смутившись, эльф замолчал.

– Из понимания языка складывается и понимание мышления других, – подхватил Иссилян, казалось, прочитав его мысль. – Их представления о мире, таинства верований, осо-

бенности культуры, отношение к себе и остальным... Так многое скрыто в гранях родных слов народа...

Они шли по тропам среди вековых деревьев, под арками переплетённых ветвей, и всё казалось юноше чудом. Исси-лан Саэлвэ знал о рэмеи так много! Цитировал древние тексты на хорошем рэмейском, поддерживал и развивал мысли Келаэлира, задавал тонкие вопросы, сдержанно восхищался глубиной его познаний и понимания. Такого удовольствия от высоких учёных споров юноша не получал, пожалуй, никогда. Беседа абсолютно очаровала его, и он почти забыл о своей первой робости, обретя благодарного слушателя и мудрого собеседника.

Под конец Келаэлир окончательно уверился в том, что для *этого* высокорождённого он и правда может представлять собой некую ценность и пользу. Личное знакомство с Исси-ланом Саэлвэ внезапно открыло ему, что соблюдать *эту* вассальную клятву будет не только честью, но и радостью. Не восхищаться Высоким Лордом было просто невозможно! Как удивительно этому высокорождённому удавалось одновременно и держать подобающую дистанцию, и обращаться к самому сердцу собеседника! Только теперь он понял, почему лорд Каэлисс беззаветно предан Саэлвэ. Келаэлир был абсолютно счастлив и мысленно благодарил Богов, что его путь повернулся именно так, пусть и после тяжёлых событий.

Но даже при общей полноте счастья и осознания своего

нового места в Данваэнноне юноша был не готов к тому, как завершится этот разговор. Высокий Лорд вдруг остановился, подошёл к ближайшему дереву и положил ладонь на замшелую потрескавшуюся кору, погладил шершавый ствол.

– Подобно деревьям, прекрасные сыны и дочери нашего народа набирают свою силу медленно, постепенно насыщаясь соками мудрости и красоты мира. Но потом в величии своём они поднимаются над всем лесом... – тихо проговорил Иссилян, обращаясь скорее к самому себе.

Келаэлир терпеливо ждал, пока взгляд древних кобальтовых глаз не обратился к нему.

– Непокойные времена грядут, – сказал Высокий Лорд. – Нам нужен посол, которому мы сможем доверять – посол в Таур-Дуат, понимающий и принимающий равно обе наши богатые и полные противоречий культуры. В тебе я вижу этот потенциал, юный Келаэлир Линнтэ. В следующий раз, когда я призову тебя, будь готов, ибо я направлю тебя в земли народа рэмеи с особым заданием, которое, возможно, поменяет ход истории для обоих наших народов.

Не находя слов, не веря себе, юноша упал на одно колено и склонил голову.

– До того же мига храни детали нашего разговора в тайне, в том числе и от родных, Келаэлир Линнтэ, – мягко велел Иссилян. – Таков приказ твоего Высокого Лорда.

– Клянусь своей честью, мой лорд, и милостью ко мне Каэрну Охотника, – пылко ответил Келаэлир, не в силах

скрыть переполнявшие его эмоции. — Я исполню всё, как Вы повелите.

* * *

Расчёт Таа не оправдался — пленник оказался более терпелив, чем он ожидал. Или же сознание мятежного жреца пошатнулось настолько, что теперь он не вполне различал, что было реальностью. А возможно, Итари Таэху опередила Таа и уже рассказала Перкау, что старик Минкерру оставил мятежников в живых, просто лишил жреческого сана и поселил в храме, приставив к привычным им простым работам. Столичные бальзамировщики относились к пришлым настороженно и не принимали их как своих братьев и сестёр по культу. Все прекрасно помнили, по чьей вине жречество Ануи едва не лишилось милости Владыки.

Таа продолжал умело исподволь подогрывать это общее тайное недовольство. Во-первых, мятежники — пусть даже официально вину за всех взял их бывший Верховный Жрец — вызывали у него искреннюю неприязнь. Во-вторых, держать их в почти полной изоляции было выгодно, и это можно было со временем применить с пользой. Община пойдёт ему навстречу в обмен на покровительство, когда Таа угодно будет это покровительство проявить. Они могли подсказать ему что-то полезное касательно человеческой девицы, поднявшей царевича из мёртвых и обладавшей редкими знаниями.

Возможно, их даже можно было против девицы использовать, когда Таа до неё доберётся... Всему своё время.

С Перкау было сложнее. Таа не мог защитить мятежного жреца от Великого Управителя и тем более от самого Владыки – и жрец это знал. Поэтому единственной разменной монетой в их уговоре была община. Пожалуй, стоило бы осторожно намекнуть ему ещё раз... но у Таа было мало времени для намёков. Пока что Великий Управитель оставался полностью поглощён государственными делами – с тех пор, как Император отбыл в паломничество. От царицы Таа тоже не получал никаких дополнительных распоряжений – она сейчас, по сути, заменяла Владыку. Хатепер Эмхет не появлялся в столичном храме, хотя мог прийти в любой миг. Таа должен был успеть раньше, пока о Перкау временно забыли. Ждать больше было нельзя.

Почти обо всём происходящем в храме будущий преемник Первого из бальзамировщиков знал. Знал он и когда отлучалась Итари, а потому мог устроить всё так, чтобы она немного задержалась. По всему пока выходило, что сам Перкау не рассказал целительнице о визите Таа, а это уже внушало надежду. Да и кто бы поверил ему, случись что?..

Бальзамировщик не мог не вспоминать о той просьбе царицы – раздобыть кровь мятежника – потому как понимал, кому и для каких целей эта кровь была нужна. Жрецу Сатеха он не доверял ни капли, хоть формально они оба и были на одной стороне, являясь одними из ближайших сторонников

Амахисат. Нет, причиной вспышки безумия пленника была не только нестерпимая боль от пыток, заставившая потаённую Силу Перкау выплеснуться. Это стало результатом ритуала Колдуна. То, что жрец Сатеха мог влиять на бывшего Верховного Жреца даже здесь, в стенах храма, вызывало у Таа не меньше опасений, чем сам факт принадлежности Перкау к культу Владыки Каэмит. И как бы пленник ни был драгоценен Дому Владык, преемник Минкерру не мог игнорировать опасность, стоявшую за мятежником. Да и тайн скопилось слишком уж много.

Таа знал, что он сильнее Перкау. Однажды ему предстояло надеть пектораль Первого из бальзамировщиков – какие бы надежды ни возлагала часть жрецов на Кахэрку. Провинциальному мятежному жрецу не по силам тягаться с ним. Отступник был непредсказуем и опасен, как загнанный зверь, но он не мог навредить Таа – разве что косвенно, теми проклятыми тайнами, которые так упрямо хранил. И даже Колдун не поможет ему, потому что Таа был готов ко всему.

Бальзамировщик не хотел пользоваться своей властью в открытую, не хотел обнаруживать себя раньше времени, но его влияния должно было хватить, чтобы объяснить даже самому Великому Управителю, почему необходимо было вмешаться. Ожог Сатеховым Пламенем на запястье старшего царевича был весомым доводом уже сам по себе.

Свернув в коридор в нижних помещениях храма, Таа поправил привычную маску непроницаемого спокойствия,

сквозь которую редко проглядывали какие-либо эмоции. Воины, охранявшие пленника, почтительно отсалютовали ему. На этот раз вопросов они не задавали.

– Без моего приказа никого не впускать, – велел он.

– А госпожа Таэху? – осведомился один из стражей.

– Если она вернётся раньше – её тоже, – невозмутимо ответил жрец. – Нашему храму грозит опасность. Я сам объяснюсь с мудрой Таэху.

С этими словами он вошёл в комнату, и стражи закрыли за ним дверь.

В небольшой комнатке, в которой из мебели был только простой маленький алтарь Ануи, при свете двух светильников пленник молился. Старик Минкерру не запретил ему совершать каждодневные обряды, а зря. Таа претило думать, что лишённый титула жрец продолжает мнить себя жрецом. Это бросало тень на служение других – тех, кто *действительно* оставался верен Стражу Порога.

– Я пришёл говорить с тобой, и у нас не так много времени, – холодно произнёс Таа.

Перкау ответил не сразу – прошептал последние слова ритуальных формул и только потом поднял взгляд на вошедшего, чуть переместился, сядя на циновки. По крайней мере, сегодня он двигался, пусть и не слишком уверенно, тогда как в прошлый визит жреца даже не поднялся. Впрочем, в искусстве Итари сомневаться не приходилось.

Взгляд мятежника был вполне ясным, осмысленным. Да-

же не верилось, что этот рэмеи рехнулся в руках дознавателей и явил Сатехово Пламя.

И всё та же упрямая воля, тот же покой осознания своей участи. Перкау не боялся Таа – просто не видел в нём опасности.

– Ты подумал о том, что я сказал тебе?

– Разумеется, – мятежник склонил голову. – У меня много времени на размышления.

– И что ты скажешь мне?

– Я не стал звать тебя и тревожить именно потому, что сказать мне нечего, – сдержанно ответил пленник.

Таа скрестил руки на груди, окидывая его взглядом, созерцая внутренним взором потоки энергий, под которыми Перкау таил и иную часть своей сути. Таил уже не столь умело, как прежде...

– Я знаю, *что* ты есть, – тихо, но твёрдо проговорил балламирщик. – Тебе не скрыть этого от меня под маской благообразности, под плетением молитв Ануи. Для каких бы своих целей ты ни вернул наследника, я не позволю этому сбыться. И твоей общине я не позволю стать спасителями в глазах народа. Запомни это.

Перкау вздохнул, и Таа вспомнил его слова: *«Но ярость твоя понятна мне. Не думаю, что я чувствовал бы что-то иное, поменяйся мы местами... не знай я всего, как не знаешь ты...»*

– Веришь ты мне, мудрый, или нет, но я никогда не про-

тивостоял культу Стража Порога, – мягко произнёс он. – И никогда не был врагом другим жрецам. А враг... он совсем близко.

Таа внутренне напрягся. Мятежник *знал*, а это было совсем уж некстати.

Заставив свой голос звучать теплее, он сказал почти доверительно:

– Так помоги нам, своему культу. Помоги мне не видеть врагов в тех, кто тебе дорог, и я смогу защитить их так, как не могу защитить тебя, даже если бы хотел.

Кому, как не Таа, было знать: бальзамировщики не были лишены чувств, что бы там ни говорили в народе. Отношение к ним других рэмеи, странная смесь глубокого почтения, некоторого страха, а кое-где и отвращения, заставляло жрецов Стража Порога больше ценить теплоту, близость. Общины жрецов были своего рода семьёй. Общины бальзамировщиков были семьёй даже в большей степени, ведь от остального мира их отделяла тонкая грань, постоянное напоминание об умирании, переходе в вечность и о страшных, пусть и необходимых обрядах, проводимых в их храмах.

И потому даже сейчас, когда Перкау был спокоен и отрешён, ему не было безразлично.

– Если даже я скажу тебе – ты всё равно не поверишь, – покачал головой мятежник. – Слишком невероятно. И слишком страшно, чтобы поверить.

Таа похолодел. Нужно предупредить царицу! А этого

рэмеи ни в коем случае нельзя оставлять в живых... Или... Или же помочь Колдуну довести до конца его изначальный план.

– Ты не оставляешь мне выбора. Твоя наставница, Лират, мертва. Что делать с твоей общиной, пока не решено.

– Мертва?.. – тихо переспросил Перкау.

Таа почувствовал отголосок удовольствия, нащупав верное направление. У него достанет власти надломить эту волю.

Отступник жаждал узнать, обрела ли Лират покой и память. Таа не собирался дарить ему успокоение.

– Осталась в запечатанном храме, – сухо ответил жрец, говоря правду, но не более того.

Что-то странное отразилось в глазах мятежника, но Таа не успел прочесть – Перкау опустил взгляд и тяжело вздохнул. Его шёпот бальзамировщик не различил, но заметил, как дрогнула рука мятежника, когда тот провёл ладонью по лицу.

Мгновения тянулись удручающе медленно. Таа был терпелив, но почти физически чувствовал поступь приближавшейся Таэху, её намерение. А мятежник молчал и не поднимал голову.

– Ты знаешь, что не достоин сохранения в вечности, – наконец проговорил Таа и скорбно покачал головой, вкладывая в свой голос прохладу Западного Берега, дыхание древних гробниц – всё, что составляло его суть кроме привычной

личности. – Боюсь, что и те, кто пошёл за тобой, не достойны. Мне жаль.

Перемену в пространстве он ощутил даже раньше, чем светильники полыхнули ярче. И когда Перкау поднял взгляд, Таа уже знал, что увидит там – тлеющее на дне чужих глаз пламя безумия. Он был готов. На миг, только на миг он отстранённо подумал, выдержит ли, но тени Западного Берега защищали его разум и плоть.

Когда чужие руки впечатали его в каменную кладку стены, в голове зазвенело, но Таа сохранил концентрацию.

«Прохлада Вод Перерождения... – напомнил он себе, чувствуя, как стонет, плавится его кожа. – Покой... Вечность... Немного терпения...»

Будущий Верховный Жрец Ануи всей Таур-Дуат не мог проиграть.

И лишь когда Таа почувствовал, как мутнеет, темнеет от боли разум, он вскинул руки и заслонился от пламенной ярости, которую призвал сам. Призрачные голоса взвились обвиняющим хором, хороня огонь. Вырвавшись из стальной хватки, Таа оттолкнул безумца и судорожно вздохнул, оседая по стене.

– Сюда! – хрипло крикнул он стражам.

Сквозь дымку полузабытья он слышал и видел, как ворвались в комнату воины и схватили пленника, как влетела следом жрица Таэху.

– Я пришёл... почувствовал опасность... для храма... –

с усилием прошептал Таа, едва фокусируя взгляд на склонившейся над ним жрице, и наставил коготь на обмякшего в руках стражей Перкау. Рука предательски дрожала. – Он... пытался убить меня...

Отдаться теньям, милосердно заполнившим его разум, было сладостно.

Дело было сделано.

* * *

Хатепер вздохнул, собираясь с мыслями. Некоторое время он просто сидел за столом, заваленном свитками, поверх которых стоял небольшой ларец, и никак не решался открыть. Его ладони покоились на крышке, пальцы обрисовывали иероглифическую вязь защитной магической формулы. Давно он не смотрел на то, что находилось внутри, но скоро это предстояло применить по назначению.

Его руки дрогнули. Он отчётливо помнил, как делал то, что было необходимо – необходимо и вместе с тем кощунственно. Однако выбора не было. Хранитель секретов, страж трона Владыки, не имел права на слабость.

Крышка открылась легко, и взгляд Великого Управителя остановился на том, что было внутри. Беззвучно он прошептал слова благословения ушедшему на обоих языках и извлёк на свет несколько небольших кусков выделанной кожи, потемневшей от действия натрона и бальзамов.

Мумифицированной эльфийской кожи.

Сохранённое для вечности, перед ним лежало последнее послание Высокого Лорда Тремиана Ареля. Старый друг и соратник Хатепера передал весть так, как мог, а в минуты угасания его жизни доступны эльфу оказались только кинжал да собственная плоть. Когда тело «мятежного торговца», покончившего собой, было доставлено во дворец, и все, кому полагалось, убедились в том, что Тремиан сам отказался от суда Владыки, приговор был однозначен: в погребении предателю отказать. Секенэф принял решение вельмож и озвучил приговор, но Хатеперу дал своё безмолвное согласие сразу же, как разобрался.

Великий Управитель похоронил друга сам, тайно от всех, так, как того требовали традиции Данваэннона. Воды Малахитового Моря отнесли главу поверженного Высокого Рода в Страну Вечного Лета. По крайней мере, так хотелось верить Хатеперу. Но прежде, до погребения, он тщательно изучил тело Тремиана. То, что другие называли данью эльфийским Богам – кровавые знаки на коже, ритуальный узор, нанесённый на собственное тело тем, кто отчаялся получить достойное погребение и надеялся, что Боги всё же услышат его, – оказалось вестью для Великого Управителя. Лучше, чётче всего сохранился один знак. Эльфийская руна, переплетённая с рэмейским иероглифом, была вырезана, разумеется, далеко не каллиграфически, но Хатепер узнал её, узнал тайный шифр, который они применяли, в котором никто по-

сторонний не увидел бы ничего, кроме случайных изящных линий.

И смысл этого знака он хорошо знал. В него укладывалась вся основная концепция эльфийской Игры Дворов, всё то, о чём его предупреждал Тремиан, знавший, как долго готовилось его падение, и до последнего надеявшийся победить. Даже сейчас Хатепер отчётливо слышал внутри его голос, интонацию, с которой Арель столько раз произносил эти слова – иногда на певучем эльфийском, иногда на древнем рэмейском.

«Ничто никогда не является тем, чем кажется».

Оплакивая старого друга, Хатепер исполнил его последнюю волю – сам вырезал куски кожи с нанесёнными знаками, сам обработал и сохранил их. Другие было прочесть сложнее, и не всё он сумел разобрать сразу, но сохранил, потому что послание предназначалось не только ему одному. Ллаэртвин Тири также должна была увидеть это. Однажды Хатепер должен был передать страшное послание и ей.

Знак единого мира – их общей цели, что некогда казалась недостижимой. Напоминание обо всём, что они хотели сохранить.

Знак верности. Когда Хатепер сумел разобрать его, то не сомневался – верности тому самому договору, который они трое когда-то поклялись исполнить, гарантом которого по ту сторону гор была Пресветлая и её род, а по эту – он сам. И Тремиан, так долго бывший связующим звеном меж ними...

Знак смерти. Арель не только предпочёл смерть бесчестию. Он знал, что выжить и ответить на суде ему просто не позволят, кто бы ни преследовал его. Увы, рэмейские солдаты, направленные Домом Владык, нашли его слишком поздно – жизнь Высокого Лорда не досталась ни врагам, ни друзьям. Но солдаты бережно сохранили тело.

Ещё один знак, безусловно, важный, тот, что был начертан вскользь, в спешке, но скорее всего – намеренно смазанно, чтобы не увидели чужие глаза. Его Хатепер сумел прочесть позже всех, хоть тот и был вполне ожидаем.

Этот знак очень напоминал часть родового герба Высокого Рода Саэлвэ. Росчерки-нити, пересекавшие его, могли быть случайны... но могли означать связи. Связи по обе стороны гор. Пара как бы случайных линий складывалась в руно сближения, но Хатепер не был уверен, не подвели ли его глаза и разум.

Увы, Тримиан не мог назвать всех союзников своего врага – да и знал ли? Но как сумел, он предупредил друга об опасности.

Как ни готовься к такому удару, не всё возможно предусмотреть. Так рухнула сеть осведомителей – та самая сеть, с помощью которой Дом Владык и королевский род Данваэннона выстраивали своё общение вне официальных каналов. Великий Управитель прикладывал все силы, чтобы восстановить хоть что-то из разорванных нитей, но пока его усилия не принесли желанных плодов.

А время шло. Мысль о том, что Ллаэ всё же направила посла, презрев все риски, но посол этот до места назначения так и не добрался, уже не раз была высказана и им самим, и Амахисат, и Секенэфом. Большие надежды Хатепер возлагал на пленников, которых должен был привезти с собой Ренэф.

В этой истории оставалось слишком много тёмных пятен, а выдвигать обвинения против влиятельных родов Империи во все времена было чревато – ему ли не знать?.. С внутренними мятежами было покончено ещё в первые годы правления Секенэфа. К этому приложили руку и сам Хатепер, и Амахисат – задолго до того, как заняла трон. Окружение было верно Императору, как бы отдельные представители ни относились друг к другу и к общей идее политики мира. Что до родов Мерха и Эрхенны, то они поддерживали Владыку и служили ему в чём-то даже истовее прочих, а ещё имели своих сторонников – весьма влиятельных. Чтобы свергнуть целый вельможный род, тем паче род, полностью лояльный Дому Владык... да, для такого требовались доказательства более чем веские. Власть Императора, как она ни была велика, зиждилась на власти остальных влиятельных фракций. Императоры, которые отмахивались от этого слишком легко, в своё время завязали в противостоянии с жречеством и с целыми династиями управителей сепатов. В общем, междоусобица и народные волнения, как ни крути, никому не были выгодны, а тем более ввиду близкой войны.

Вот только даже верные трону роды вполне могли перехватить эльфийского посла, тем более тайного... И ведь никто не признается. Сгинул без следа. Времена беспокойные, тропы опасные.

Во что бы то ни стало Хатепер должен был расплести этот клубок до конца. То, куда вели некоторые из спутанных нитей, ему совершенно не нравилось, но он был чрезвычайно осторожен в выводах – ради всего, чем они дорожили и что так долго создавали.

«Ничто никогда не является тем, чем кажется...»

Враг не мог быть побеждён до конца. Официальный мирный договор не означал, что все позабудут старые распри – по обе стороны гор. Да и Саэлвэ так и не смирился с проигрышем – на этот счёт Хатепер не обманывался. Вся история с Арелями, самыми влиятельными из высокорождённых, поддерживавших род Тири у власти, была тому прекрасным доказательством. Но к вопросам открытой войны Иссилан всегда подходил осторожно – слишком ценил жизни своих, ведь потери были бы невероятно велики для обеих сторон. Вот только именно война – уже не тайная, а явная – могла сместить положение игроков и поменять всю расстановку сил. Саэлвэ мог и рискнуть развязать конфликт, но лишь в том случае, если всё просчитал наперёд. А просчитывать он умел...

Что до тех, кто был по эту сторону гор, Хатепер знал многих, кто всё ещё грезил о величии Таур-Дуат как единствен-

ной крупной державы континента. Но чтобы ради этого пойти на тайные союзы с эльфами? Да ещё с кем из эльфов... Большинство из сторонников агрессивной политики уж скорее самим себе вырвали бы сердце, чем якшались с «остроухими». Взять тех же Хекетджит и Каэба. Представить их заодно с высокорождёнными? Такого и в горячечном бреде не привидится.

И, насколько Хатепер успел изучить ситуацию за горами – а знал он о Данваэнноне куда больше, чем многие рэмеи из ныне живущих и уже ушедших на Запад, – там дела обстояли примерно так же с тем, что касалось союзов с «демонокровными». Исторически эльфы даже друг другу доверяли не слишком. Ну а те из них, кто не принимал Таур-Дуат и нынче тайком мечтал об уничтожении агрессивного соседа, считали договоры с рэмеи чем-то попросту ниже своего достоинства.

– Принудительная трансформация... болезненная... – пробормотал рэмеи, невольно вспомнив, как объяснял это Анирет в ходе обучения, как писал об этом ещё прежде в своих трудах, посвящённых искусству дипломатии.

«Энергия жизни непокорная, бурная. Это – пламя, это – кровь, бурлящая в теле земли. Одновременно кровь – и символ жизни, и символ разрушения... как алый, цвет Отца Войны. Что есть война? По сути своей это – принудительная трансформация для целого общества или сразу

многих народов. Любая энергия может проявиться как в высшем, так и в низшем смысле. Если высшая форма энергии не воспринимается, энергия вынуждена воплотиться в своём низшем проявлении. Войны – пример такого проявления, вынужденных жестоких изменений, когда все иные возможности исчерпали себя или не могут быть применены. Но всегда это – изменение, трансформация... а значит, путь к совершенствованию, которое редко бывает безболезненным...»

– Боюсь, в высшей форме энергия не успеет проявиться, мой друг... – тяжело вздохнул Хатепер, пряча страшные послания обратно в ларец. – Но я сделаю всё, что смогу, обещаю тебе.

Рука сама собой потянулась к кольцу на цепочке, спрятанному под туникой, сжала его.

Ей он тоже обещал... Теперь бы только добраться...

Посольство было собрано, готово выдвинуться ещё до Ритуала Разлива. Что до самого Хатепера – он уже всё для себя решил. Пока же важно было дожждаться Ренэфа.

И, возможно, Хэфера...

Боясь думать о возможной страшной неудаче Секенэфа в поисках, Хатепер повернул поток своих мыслей к детям Тремиана Ареля. Немало сил он приложил к тому, чтобы узнать об их судьбе, а двоим обеспечил тайное погребение.

Согласно объявленной во всеуслышание версии, сыновья Тремиана предпочли смерть в бою и не сдались рэмейским

солдатам на справедливый суд, чем косвенно подтвердили свою вину в глазах многих. Но Хатепер знал и другие части этой истории, в частности ту, что убиты оба эльфа были незадолго до боя, ещё до того, как солдаты настигли торговый караван, направлявшийся в Лебайю. Вот только кем?..

И где была дочь Тремиана в то время, как всё произошло? Где она была, когда эльфы пытали Метджена и Паваху в дальнем поместье Арелей? Скрылась она до того, как рэмейские солдаты пришли освобождать телохранителей Хэфера. И до того, как о предательстве узнали осведомители Хатепера и Амахисат, действовавшие тогда заодно, делившиеся драгоценными крупницами сведений, благодаря чему узнать о страшном событии вообще оказалось возможным.

Кто-то ведь предупредил эльфёю и помог ей уйти – предупредил её саму, но не её братьев.

Нет, Хатепер не хотел думать о том, что юная Высокая Ле-ди Шеллаарил Арель предала отца, предала их всех. Думать об этом было, пожалуй, ещё страшнее, чем о том, что и она тоже погибла. Но нащупать её след Хатепер не сумел до сих пор, а ведь она могла бы поведать многое.

Дипломат устало потёр виски, напомнил себе, что времени предаваться раздумьям у него нынче было не так уж много. Поднявшись, он взял ларец, спрятал в тайник, омыл руки и вернулся к разбору свитков. Расчёты, отчёты, прошения – рутинная часть государственной службы по-своему успокаивала. В последнее время Хатепер всё чаще ловил себя на

мысли, что ему хотелось заниматься только этим, а не заговорами да тайной подготовкой к войне.

«А может, вообще податься писцом в какой-нибудь дальний храм, где все заботы будут сводиться к подсчётам урожая?..» – с мрачной иронией подумал рэмеи, ставя печать на очередном документе, требовавшем его личного одобрения.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть. Сейчас, в ночные часы, никто не должен был его тревожить, стало быть, дело срочное. А что срочное дело будет приятным – Хатепер почему-то глубоко сомневался.

– Входи, – устало велел он, не поднимаясь из-за стола.

Унаф, его личный писец, с поклоном доложил:

– Мой господин, к тебе гонец из храма Стража Порога. Я говорил, что час уже поздний и ты никого не примешь, – добавил писец, пряча раздражение, и развёл руками, – но бальзамировщик сказал, дело не терпит отлагательств. Просил говорить с тобой лично. Прости, господин.

– Зови его сюда, – кивнул Хатепер, тревожась, что могло срочно потребоваться старому Минкерру.

Но разве не догадывался он и так, кого будет касаться весть из храма?.. Догадывался... и гнал эту мысль от себя.

Жреца в тёмных одеждах, вошедшего вслед за Унафом, Великий Управитель помнил в лицо, хоть и не знал его имени. Один из свиты Первого из бальзамировщиков. И хотя жрецы Стража Порога редко показывали свои эмоции, вестник казался чрезвычайно взволнованным.

Бальзамировщик глубоко поклонился.

– Привет тебе, господин мой Великий Управитель, и да хранят тебя Боги. Прости, что тревожу тебя в неподобающее время, но я несу весть от мудрейшего Минкерру. Твоё высокое присутствие требуется в столичном храме Ануи.

– Говори, что стряслось.

Жрец побледнел, медля с ответом, но всё же доложил:

– Мой господин... Отступник... твой пленник. Сегодня он едва не убил мудрого Таа.

Глава 23

– Однажды я уничтожу тебя... Ненавижу тебя.

– Это не так. И мы оба знаем это, не так ли, мой маленький бог?..

Её пальцы нежно пробежали по его кисти, по наручу и выше к плечу.

А потом она поцеловала его и соблазнительно провела языком по плотно сжатым губам. Это не было отвратительно... и именно потому он питал отвращение к себе самому...

– Ты был самым приятным моим заданием, Ренэф...

Самым приятным...

...заданием...

Судорожно вздохнув, он проснулся и рывком сел, инстинктивно схватив лежавший рядом кинжал. В шатре было темно – рассвет ещё не наступил. Вокруг плескались тени, но ни одна из них не была воплощённой.

Ренэф в сердцах сплюнул и зачем-то отёр губы, горевшие так, словно поцелуй Мисры заклеил его только что, а не тогда, в проклятом ущелье. Как же некстати! Впрочем, кошмар о той ночи снился ему уже не впервые, возвращаясь в разных вариациях. А смерть его воинов приходила к царевичу во снах именно в таком воплощении, в воплощении

его краха – красивой женщиной с золотыми волосами, облачённой в лёгкий эльфийский доспех. Богиней войны, величественной и непокорной, преисполненной достоинства. Утончённым оружием Данваэннона, нацеленным ему точно в грудь.

Иногда ему снился допрос в шатре, но во сне Ренэф делал последний шаг, позволяя себе обладать ею. Впрочем, обладать богиней войны было невозможно – она поглощала его без остатка, низвергала в бездну, где он с трудом мог найти себя.

Иногда Ренэф видел, что убивает Мисру, но это не приносило удовлетворения. И когда он спрашивал её – *почему всё случилось так?* – в ответ слышал только смех, тот самый смех, с которым она отступала, забирая его хопеш.

– Ненавижу тебя, – прошипел царевич в темноту, дополнив слова цветистым ругательством.

Сон, разумеется, улетучился. Оставалось только позавидовать солдатам в мирно спящем лагере. Ренэф подумал было присоединиться к часовым, но поймал себя на привычном уже ощущении, что видеть никого не хочет. Притом сейчас не хочет даже сильнее, чем все предыдущие дни.

Началось всё с деревни Сафара. Теперь старостой там был Титос, старший сын Сафара и Алии. Младший – Працит, который ещё до взятия города, принёс Ренэфу злополучное ожерелье из стеклянных бусин и не побоялся сообщить о фатальном промахе, – решил остаться с родителями в Леддне.

Повсюду по дороге до бывшей границы с Лебайей – ныне уже леддненской провинцией Империи – рэмейским воинам оказывали радушный приём. А уж жители селения, в котором солдаты Ренэфа и Нэбвена когда-то прожили не одну неделю, и которое потом защищали от наёмников Ликира, и вовсе превзошли себя в гостеприимстве. Но слишком много неприятных воспоминаний было связано для Ренэфа с этими местами – вероломное нападение на лагерь, отравление «Пьянящим вздохом»... Мисра. Здесь-то недавнее прошлое и решило напомнить о себе отвратительными сновидениями, и Ренэф не пожелал гостить дольше, чем требовалось.

Кто-то из солдат просил царевича о дозволении остаться в деревне. Ренэф дозволение дал. Пока он оставался командиром взвода¹ и хоть что-то мог сделать для своих воинов...

¹ Ренэф – младший военачальник, командир взвода, насчитывающего пятьдесят воинов. Однако титул царевича также даёт ему некие привилегии, в том числе и возможность в некоторых случаях говорить на равных с генералами. Военачальник – здесь и далее: воинский чин, аналогичный понятию «офицер». Соответственно, старшие и младшие военачальники – старший и младший офицерский состав. Так, Нэбвен из рода Меннту – один из старших военачальников (генералов), подчиняющихся лично Императору. Данная иерархия основывается на военной иерархии Древнего Египта времён Нового Царства: фараон – Главнокомандующий, Верховный Военачальник; Генералы, подчиняющиеся фараону, – старшие военачальники (делились по роду войск или по регионам); командиры полков (около 1000 воинов); командиры гарнизонов (размер варьировался в зависимости от размера гарнизона); командиры рот (250 воинов); командиры взводов (40–50 воинов); десятники (в Египте младшие командиры руководили отрядами не из десяти, а из семи воинов). Номархи (здесь – управители сепатов) могли иметь своих генералов в войске, принадлежащем определённом ному. Существовали также «функциональные» титулы, близкие по смыслу к офицерам

для тех из них, кто остался в живых. А по прибытии в столицу остатки его отрядов всё равно будут расформированы. Ренэф не мог отвечать за чужие жизни. Ему не требовался приказ отца, чтобы понимать это, — что бы там ни говорил Нэбвен. И сейчас служба простым солдатом где-нибудь в самом дальнем гарнизоне казалась ему наградой.

Некстати вспомнились женщины, встречавшие воинов в сафаровой деревне. Для кого-то встречи оказались радостными, а кто-то... Как звали ту красивую девицу — кажется, Кианея? Она просила о милости говорить с царевичем, спрашивала потерянно, где же её Рихи. Имена и лица всех своих солдат Ренэф знал, и знал, кто из них погиб, когда и как. Рихи пал при взятии Леддны. И не он один...

Но то были смерти героев, хоть и их принять оказалось не так легко: ещё сегодня идёшь в одном строю, а завтра ищешь бальзамировщиков и тащишь им то, что уцелело...

Что до тех, кто пал в ущелье, прикрывая его отход... тех, кто пошёл за ним, вверая свои жизни упрямому гордому мальчишке, погибшему с ними там же, в ту же ночь... Ренэф знал, что не забудет никого из них.

И мысли его, пройдя полный круг, снова вернулись к Мисре. Уже позади осталась сафарова деревня и старая граница, а он всё никак не мог успокоиться. Да ещё и сон этот, хайту его забери!

Ренэф подхватил кувшин и сделал несколько жадных

глотков, а остатки воды вылил себе на голову, чтобы окончательно прогнать видения, вгонявшие его в круговорот самых разнообразных эмоций. Стало легче. И когда на смену ночному мареву пришла, наконец, некая ясность мыслей, он снова поймал себя на том, что скучает по Леддне. Не по лебайским скалистым холмам, высоким кипарисам и оливковым рощам, но именно по Леддне, его сокровищу.

В Леддне он не только пережил позор, совершив фатальную ошибку. Там он узнал своё место, узнал, что на самом деле из себя представляет. И взлёт познал, и падение, и истинную цену себе увидел...

Прав был Нэбвен.

«А люди здесь тебя полюбили... Будут помнить. Будут славить твоё имя. Ты подумай о том, сколько жизней изменил к лучшему... царевич Ренэф Эмхет, Сын Солнца, покровитель Леддны».

Где-то в глубине души Ренэф даже завидовал Хармехи из рода Кха, назначенному военным комендантом нового гарнизона. Быть на границе. На самом острие. Вот по чему тосковало его сердце. Давно уже Ренэф не мечтал о том, чтоб воплотились сказки матери, как его чистейшая кровь станет светочем для всего народа, как его имя и список великих деяний будут высечены на гигантских статуях у самых знаменитых храмов Империи. Да и его ли это были мечты?.. Прежде Ренэфу даже в голову не приходило задуматься, но этот поход многое изменил... И хотя по меркам рэмеи царе-

вич был всё так же молод, ему казалось, что свою юность он растерял окончательно. «Ещё бы только ума промеж рогов прибавилось», – мрачно усмехнулся царевич.

Как бы то ни было, но после лебайского похода, в котором за каких-то полгода успело произойти больше, чем за половину его жизни, Ренэф понял одно совершенно чётко: быть Императором Таур-Дуат он не хочет. Как сообщить об этом отцу, а тем более – матери, растившей из него будущего Владыку, царевич пока не знал. Но сообщить придётся – в довесок к посланию, в котором он уже обозначил, какого ждёт наказания.

И от этой мысли становилось ещё тяжелее. Мать не поймёт никогда. Не примет. А он ведь был совсем не тем, кого она в нём всегда видела... и подвёл он её так же, как подвёл всех остальных.

Однако прежде, до обсуждений наследования трона, Ренэф должен был ответить за всё то, что совершил. И не только аудиенция Императора предстояла ему в грядущей череде тяжёлых встреч. Прежде царевич, как и обещал, собирался с почётом препроводить домой Нэбвена, старшего военачальника, с которым они начали этот путь, – командира, приставленного отцом, и в итоге ставшего ему настоящим другом. Нэбвена, который пытался всеми силами предостеречь его от ошибок, а когда роковую ошибку Ренэф всё-таки совершил – всё равно пришёл за ним, чтобы спасти...

Царевичу предстояло посмотреть в глаза госпожи Наилат

и её дочерей. Но, слава всем Богам, он хотя бы вернёт военачальника родным *живым*... и проводит его лично. Нэбвен из рода Меннту был более чем достоин всех тех почестей, которые только мог оказать ему сын рода Эмхет. Пусть это и означало, что Ренэф прибудет во дворец несколько позже, чем мог бы.

А потом – возвращение в столицу, которое ещё не так давно он представлял триумфальным.

В пути царевич не только повторял про себя, как доложит Императору об удачах и фатальных промахах. Он пытался представить себе, как встретят его родные. Взять вот дядюшку Хатепера... Дядя единственный принимал их всех как есть – и его, и Анирет, и Хэфера, конечно. Но, пожалуй, только теперь как никогда Ренэф понимал всю ценность такой любви – даже не той, которую с детства дарила ему мать, окружавшая его восхищением и заботой, а вместе с обожанием – и постоянными ожиданиями. Простой любви, принимающей, когда ты ценен просто тем, что есть. И почему же раньше он воспринимал это как должное?.. Но дядя тоже будет разочарован в нём. А Анирет ещё и порадует его краху...

«Нет, почему порадует?.. – вдруг подумал Ренэф и сам удивился. – Она же никогда не радовалась моим неудачам, только успехам. И Хэфер, которого я так старался превзойти, тоже...»

Но с братом объясниться можно будет уже только в по-

смертии, а вот с сестрой... Как получилось так, что он всегда воспринимал себя отдельно от них обоих, всегда противопоставлял себя им? И как ни злило Ренэфа это новообретённое понимание, но хотя бы самому себе он теперь мог признаться: да, в отношении родной сестры и единокровного брата он никогда не был справедлив. Считал себя выше одной и пытался стать выше другого, что не стеснялся лишний раз показать. И ведь брат с сестрой даже не осуждали его за это – упрекали за излишнюю горячность, иногда говорили обидное, что де он слишком юн ещё, – но всерьёз не осуждали. Как Ренэфа возмущала эта их кажущаяся снисходительность! И только теперь, когда он уже перестал думать, что всё знает лучше всех, он увидел, что дело было не в снисходительности, а тоже в своего рода принятии... Это *он* противопоставлял себя Хэферу и Анирет, постоянно внутренне враждовал с ними, а они с ним – нет.

Не сказать, чтобы Ренэф был в восторге от своего нового открытия и переосмысления знакомых событий, но принимал, как есть.

Что ж, по крайней мере, за Хэфера он всё-таки сумел отомстить и нашёл тех, кто направил за наследником наёмников. Может, теперь душа брата успокоится?.. Ренэфу очень хотелось в это верить. И оттуда, с Западного Берега, Хэфер уж точно увидит, что брат его вовсе не ненавидел, а попытался добиться справедливости для него так, как умел.

Ну а с Анирет... что-нибудь придумает он и с Анирет. Ра-

зумеется, никогда Ренэф не признается этой девчонке, что был в чём-то неправ в общении с ней. Ещё чего не хватало! Но как-то сгладить углы, наверное, сумеет... если только царица не полезет к нему с сочувствием и пониманием. Вот сочувствие всех их он точно видал у высокородных в заднице! Дяде он так, конечно, не скажет, а сестрице – вполне.

«Пережить все эти встречи – и сразу же в дальний гарнизон», – успокоил себя Ренэф, скатывая циновки и чувствуя, как хвост дергается от раздражения.

Он едва дождался звона рогов на побудку. Зато, как только лагерь начал приходить в движение, царевич был уже готов и сам руководил сборами. И когда отряды двинулись в путь, на сердце у него стало немного спокойнее.

* * *

Осталась позади Лебайя и поросшие редкой растительностью каменистые пустоши и красные пески, через которые лежала часть их пути. Теперь вокруг простирались сады и пальмовые рощи, обширные поля, с которых уже собрали урожай, заросшие бумажным тростником заводи. Сам воздух, который они вдыхали, сама земля под ногами были родными, и сердца воинов отзывались радостью. Пусть солнце в Сезон Жары палило нещадно, но здесь свет Ладьи Амна был животворным золотом, даровавшим жизнь всему и вся, и дыхание Богов было особенно ощутимо.

Они вернулись *домой*, в благословенные земли, которые защищали всех своих детей и родиться в которых было величайшим счастьем и даром Божеств. Отступил суеверный страх умереть на чужбине, остаться без необходимого для покоя души погребения. И с собой они несли память о товарищах, павших далеко отсюда, – память, которая дарует такое желанное каждому рэмеи место в вечности.

Всё чаще в строю звучали песни и смех, хоть в целом войны, прекрасно сознававшие, *кого* сопровождают, и чрезвычайно этим гордившиеся, соблюдали дисциплину, которой по праву гордилась имперская армия. Как ни пьянил родной воздух, совсем уж забываться не стоило – нрав у царевича был крутой, и требовал с других он не меньше, чем с себя самого. Впрочем, с тех пор, как отряды пересекли границу, казалось, что настроение Ренэфа Эмхет тоже сделалось более благодушным. По крайней мере, он ни к кому не цеплялся, излишне не раздражался, да и вообще всё свободное время проводил верхом, сопровождая повозку, в которой ехал старший военачальник Нэбвен.

Гонцы уже были направлены, чтобы в ближайшем крупном порту успели подготовить ладьи для солдат. Последняя часть пути в столицу была хоть и самой протяжённой, но и самой быстрой в преодолении. Быстрее испытанного в Таур-Дуат веками традиционного способа перемещения – по Великой Реке, соединяющей самые дальние пределы Империи, – были только порталы, но порталами нельзя было про-

водить целые отряды.

Кто-то из солдат ожидал, что царевич со своими телохранителями покинет их у ближайшего же храма с порталным святилищем, чтобы поскорее явиться на доклад к Владыке. Но Ренэф остался с ними, и это пришлось воинам по душе – своего молодого командира они любили, да и явиться в столицу, сопровождая самого царевича, было почётно. Солдаты из отрядов Нэбвена, временно вступившие под его командование согласно распоряжениям военачальника, в целом тоже были вполне довольны сложившимся положением вещей. А редкие шепотки в их рядах о том, что командир их, мол, больше не сможет вернуться к службе – и уж не по вине ли царевича? – быстро и жёстко пресёк ещё сам Нэбвен. В итоге вину за случившееся традиционно перенесли на вероломство некоторых остроухих и на старых подельников Ликира, и волнения утихли, не успев толком начаться.

У молодого царевича не было личного корабля, но к его прибытию в порту успели отрядить лучшие ладьи из тех, что там вообще имелись. А корабль, на котором отправлялся Ренэф Эмхет, Нэбвен из рода Меннту и сопровождавшие их воины, снабдили сине-золотыми стягами. Судя по всему, стяги изготовили здесь же, в спешном порядке, чтобы не оскорбить высокого гостя.

В середине четвёртого месяца Сезона Жары ладьи достигли предместий столицы, но по приказу царевича причалили не в порту Апет-Сут, а севернее, примерно в одном днев-

ном переходе пешего отряда. В живописных окрестностях одного из крупнейших городов Таур-Дуат, сердца рэмейской Империи, в окружении пышных садов, расположились богатые поместья именитых вельмож. И здесь же, в самых дальних предместьях столицы, лежало поместье вельможного рода Меннту.

* * *

– Еле успели урожай собрать, а уж Сезон Половодья на носу, – ворчал управляющий поместьем. – На продажу много, но я б ещё приберёг. А работники у нас нерасторопные! Пободрее их в саркофаг кладут.

– Да будет тебе, Махи, – благодушно усмехнулась Наилат, за много лет привыкшая к ворчанию верного помощника. Полученные ещё в войну ранения помешали его армейской карьере и сильно сказались на нраве. Но лучшего управляющего снабжением, а теперь – поместьем, было не сыскать. – Хорошие у нас работники. Амбары ломаются, на голодный год хватит. Не дайте то Боги, конечно. Но милостью Владыки, да будет он вечно жив, здоров и благополучен, грядущий разлив тоже будет благодатным.

Махнув рукой, она подозвала распорядителя работ, отдала последние указания и отправила всех на дневной отдых. Жар солнечной ладьи становился немилосердным. В это время года часы работ приходилось сокращать или смещать, а

то, не ровен час, кто-то сляжет с ударом, ещё чего не хватало.

Наилат направила своего коня в тень плодовых деревьев, и Махи, ворча, что с таким долгим отдыхом они не уложатся в срок, поехал следом. Спешившись, женщина ласково хлопала коня по шее, расседлала и угостила его заготовленным заранее сладким корешком. Конь благодарно ткнулся носом хозяйке в плечо, фыркнул, щекоча губами, и она рассмееялась, отмахиваясь.

Заслонив глаза ладонью от солнца, она не без гордости посмотрела на убранные поля, на тенистые сады, куда потянулись на отдых работники. Важно было уделять внимание каждому уголку своих владений. Земля ведь была живой, и если хозяин заботился о том, что ему было вверено, – земля отвечала ему. К тому же труд всегда успокаивал Наилат, а в последнее время успокоиться было важно. Семья и слуги чувствовали её напряжение, но она не хотела, чтобы тревоги сказались на жизни всего поместья. А не тревожиться она не могла – слишком уж долго не получала вестей от Нэбвена. Каждую ночь она всё так же зажигала светильник у двери, как было заведено у них много лет, – только бы её солдат вернулся домой. И как хотелось ей верить, что это будет последний его дальний поход. Император милосерден, подарит своему верному военачальнику отдых. Но сопроводить молодого царевича в Лебайю на его первую по-настоящему важную миссию было действительно важно, это Наилат понимала. Мальчику однажды предстояло стать Верхов-

ным Военачальником, Первым Клинком Империи – после исчезновения-то бедного Хэфера, да хранит Страж Порога его душу. А от того, как складывалась первая важная миссия, зависела вся дальнейшая судьба любого воина. Уж кто-то, а супруг Наилат мог помочь этому клинку пройти достойную ковку.

Хорошо, что рядом с Ренэфом был именно Нэбвен. В отличие от многих ветеранов последней войны с эльфами, её супруг сохранил здравость суждений, умение решать взвешенно, и ненависть не застила ему глаза, несмотря на все увиденные ужасы. За это Наилат и любила своего солдата – не только за его силу, но и за его сердце. Юному царевичу в его горячности даже большей, чем у многих молодых рэмеи, мудрость Нэбвена совсем не повредит.

Наилат вздохнула, отёрла пот со лба. Нехорошо кололо в сердце – видимо, годы всё же начинали брать своё. Если уж пережили столько битв с Данваэнноном, то что значила одна миссия в людские земли? Пусть даже – как она знала по слухам и письмам – не всё в этой миссии пошло так, как должно было. Однако же именно теперь словно бы все уже пережитые в прошлом тревоги наваливались с новой силой.

– Госпожа, тебе нездоровится? – с тревогой спросил Махи, поднося ей ковш с прохладной водой.

– Ну вот ещё, – усмехнулась Наилат, но воду с благодарностью приняла. – Разделишь со мной дневную трапезу? Нам тоже не помешает отдых, да и дела, что ни говори, в основ-

ном уже сделаны.

Махи улыбнулся – как всегда скупой, но искренне – и в кои-то веки не стал возражать касательно «сделанных дел».

Поесть они так и не успели – прибежала Риш, дочь садовника. Она была ещё почти совсем девчонкой, но толковой, смыслёной, и Наилат охотно доверяла ей разные поручения.

– Едут! Госпожа Наилат, едут! – выпалила Риш на бегу, не успев даже отдышаться. – Я слыхала, корабли пришли! Сиятельный царевич, а с ним и наш господин Нэбвен!

Наилат была готова разве что не расцеловать девчонку. Живой!

– Слава Богам, – выдохнула она, поспешно заново седлая коня. – Махи, вели собирать трапезу для высокого гостя! Риш, сообщи всем.

– Сей же час, госпожа.

Управитель в дополнительных указаниях не нуждался и не стал даже ворчать на Наилат, что, мол, не юная девица уже – целый день в жару по полям скакать.

Взлетев в седло, Наилат направила коня к границе владений. Она знала, что к её возвращению всё будет готово в лучшем виде. И пусть одета она была не для торжественной встречи с царевичем – главное, что она встретит своего солдата сама, первой. Как всегда.

Конь, возможно, и не был рад прогулке сквозь знойное марево, но с шага не сбивался. Наилат старалась его не топить, хотя сердце и мысли неслись далеко вперёд.

Ещё до того, как женщина достигла границы, её нагнали два конника из стражей поместья, пристроились по обе стороны, точно почётный караул. Весть от Риш и правда разнеслась быстро. Наилат приветственно махнула воинам рукой, и путь они продолжали уже вместе.

В тени небольшой рощи, отмечавшей границы владений рода Меннту, женщина остановила коня, прикрыла ладонью глаза от солнца, вглядываясь вперёд, в широкий тракт, пролежавший между полями, идущий до самой столицы.

А когда она наконец слышала звон рогов, увидела обоз и имперские штандарты, едва удержалась от того, чтобы не устремиться к процессии.

Наилат не могла не отметить странность построения отрядов. Обычно впереди всегда шли колесницы, но сейчас имперский стяг реял над какой-то повозкой, которую торжественно сопровождали несколько конников. Вместе со своими стражами она выехала вперёд, навстречу обозу.

Когда она различила знаки на золотистом нагруднике одного из всадников, возглавлявших обоз, её мысли окончательно смешались. Защищающие крылья Богини. Молодой царевич вскинул руку, и обоз остановился. В сопровождении своего телохранителя он выехал вперёд и чуть поклонился ей в седле – Наилат даже охнула от неожиданности и быстро спешила, чтобы приветствовать его как полагается.

– Добро пожаловать во владения рода Меннту, сиятельный царевич, – произнесла она с глубоким поклоном, скры-

вая волнение.

Стражи за её спиной отсалютовали высокому гостю. Наилат подняла голову, посмотрела на младшего сына Императора. Его лицо отчего-то показалось ей старше, чем она помнила, а гордый взгляд — чуть более отрешённым, почти печальным.

Как же он был похож на своего отца! Наилат отчётливо помнила Секенэфа Эмхет молодым, в сияющих золотом доспехах, в ореоле первых его боевых подвигов — наследного царевича, а впоследствии и Императора, само присутствие которого вдохновляло на подвиги всех, кто шёл за ним. Время словно повернулось вспять, к истокам последней войны, и ореол сокола Ваэссира снова вспыхнул перед её внутренним взором. Но сейчас эту же Силу она чувствовала в Ренэфе, молодом военачальнике, едва ступившем на путь своих завоеваний.

Видение пронеслось и померкло. Наилат прижала руки к груди в безмолвном вопросе, и в следующий миг услышала, как из-за спины царевича прозвучал родной голос, позвавший её по имени. Мужчина, сидевший в повозке, подался вперёд, приподнялся, опираясь на руки, но не сошёл ей навстречу.

— Нэбвен... — выдохнула она и устремила к нему.

Ноги несли её быстро, совсем как в юности. Наилат едва ли не взлетела в повозку и крепко обняла супруга, ничуть не заботясь о том, что подумают другие. Единственное, что

имело сейчас значение, это то, что он жив. Откуда-то изда- лека она слышала, как приветствуют её нестройным хором солдаты Нэбвена, но отчётливее был его обрывочный шёпот, бессвязные нежные слова. Подняв взгляд, Наилат увидела в его глазах слёзы и всхлипнула, улыбаясь.

А потом увидела, отчего он не вышел ей навстречу, по- шатнулась, но только сжала его руки крепче, ничем больше не выдав свой ужас. Её солдат прошёл всю войну с Данваэн- номом, но ни одна из его ран не была сравнима с этой, полу- ченной в небольшой, казавшейся малозначимой миссии...

– Люблю тебя, – шепнула она. – Больше всего на свете люблю.

Сойдя с повозки, Наилат расправила плечи и направилась к царевичу.

– Для нас честь принимать тебя как дорогого гостя, сия- тельный господин, – торжественно возвестила она. – Наши хлеб и пиво – для твоих уст, и все дары нашей земли – для твоих рук.

– Благодарю тебя, госпожа Наилат, и да благословят Боги ваш дом, – учтиво ответил царевич.

Женщина шагнула ближе, и телохранители Ренэфа, пови- нуясь его короткому едва уловимому жесту, не остановили её. Она взяла руку царевича, сжимавшую поводья коня, об- хватила своими ладонями и произнесла горячо, тихо – так, чтобы слышал только он.

– Благодарю... всей душой благодарю тебя, что вернул его

мне живым...

Царевич встретил её взгляд – Наилат поразилась, как темны стали его глаза, – и покачал головой.

– Однако в том, что не сумел вернуть его тебе невинным, только моя вина.

Потрясённая, женщина не нашлась, что сказать, но взяла себя в руки. Высокого гостя надлежало принять как подобает. Все вопросы она ещё успеет задать потом.

А возможно, и вовсе не станет ни о чём спрашивать, ведь Нэбвен всё-таки вернулся домой.

* * *

Возвращение Нэбвена праздновали всем поместьем, и удалось это возвращение вполне торжественным, как того и хотелось Ренэфу. Важно было показать, что императорская семья бесконечно ценит старшего военачальника... что бесконечно ценит Нэбвена лично он, царевич Эмхет, обязанный этому рэмеи своей жизнью и не только ей.

Но вот высидеть на пиру оказалось делом нелёгким. Ренэф и от пиров отвык, и чувствовал себя здесь не на своём месте. Какой бы радушный приём ни оказали ему в этом доме, искренняя тёплая благодарность семьи Нэбвена казалась ему незаслуженной. Не соверши он того, что совершил, – его друг вернулся бы домой на своих ногах, возглавляя свой взвод копейщиков. Ну а что удалось ему вернуть Нэбвена

почти что с самого Западного Берега – так то был не подвиг. Он же просто не мог иначе.

От искреннего восторга дочерей Нэбвена было тяжело, от взглядов, которые бросала на него госпожа Наилат, – ещё тяжелее. Эта невысокая крепкая женщина, настоящая воительница, управительница своей земли, вызывала в царевице симпатию и уважение. Ей было далеко до божественной красоты его матери – да что уж там, ни одна женщина Империи не могла сравниться с Амахисат, и Ренэфу, с детства привыкшему видеть ослепительную царицу, тяжело было назвать красивой кого бы то ни было. Но тут была совсем иная красота. Когда Наилат и Нэбвен смотрели друг на друга, когда их руки невзначай соприкасались, как будто сияние озаряло изнутри их обоих.

Царевич сразу знал, что скажет правду, и когда увидел супругу Нэбвена, только укрепился в мысли, что лукавить с ней не хочет. Чтоб на него смотрели как на героя? Нет, здесь, в этом доме, он совершенно не хотел такой славы, а скорее ловил себя на прямо противоположном желании – скрыться от неё.

Но сам Нэбвен был счастлив от возвращения домой, и его радость стоила всего. Ренэф высидел на пиру столько, сколько положено, чтобы порадовать хозяев дома, а потом всё-таки улучил момент и ускользнул в тёмный сад.

Ему никогда не доводилось бывать в гостях у Нэбвена прежде, и тем более странно было понять, что этот дом, этот

сад он уже хорошо знал. Вот здесь, у этих кустов, маленький мальчик с непрорезавшимися ещё рожками защищал свою мать – старшую дочь Нэбвена – от неведомых врагов коротким деревянным мечом. Но тогда был закат, и на ступенях у дома сидела госпожа Наилат, со светлой печалью наблюдавшая за игрой. А ночью она зажгла светильник – как раз у той двери, через которую Ренэф сейчас выскользнул в сад, и спрятала лицо в ладонях, никому не показывая свой страх, свою печаль. Проходя мимо двери, царевич невольно коснулся ладонью места, где висел светильник из видения.

А доведись ему побывать в покоях хозяев, он не сомневался, что узнал бы комнату, в которой Наилат помогала младшей дочери примерить праздничный золотистый калазирис и узорную сеть, искусно сплетённую из ярких продолговатых бусин, а потом подарила ей своё тяжёлое многоярусное ожерелье.

Видения в памяти, накладывающиеся на реальность, были такими яркими, что Ренэф даже потёр ладонями лицо, чтобы сбросить наваждение. Неловко было от того, что довелось подсмотреть за чужими жизнями, и вместе с тем отраднo, что он всё-таки сумел вернуть друга семье.

Столько тепла, столько любви... Ведь именно такой и должна быть настоящая семья? Принимающей, ждущей тебя любым – с победой ты придёшь или с поражением.

Дом...

Но у него, царевича Эмхет, такого не будет.

Ренэф подумал о том, что его родители никогда не смотрели друг на друга так, как смотрели друг на друга Нэбвен и госпожа Наилат. Военачальник с женой сияли даже спустя столько лет вместе... а ведь прожили друг с другом куда больше, чем самому Ренэфу лет от роду. Сколько обоюдного понимания, тихой радости и тепла было в их безмолвных беседах, когда они просто оказались рядом. Это ничего общего не имело со вспышками страсти, знакомыми царевичу, или с той глухой, непонятной, замешанной на ярости и неприязни тоской по Мисре. Нет, он никогда не был по-настоящему влюблён так, чтобы забыть обо всём.

А настоящая любовь, как он понимал теперь, выходит, и вовсе не имеет ничего общего с тем, чтобы забыть о себе... Она дополняет, делает тебя чем-то большим, чем ты был – своего рода лучшей версией себя самого. И тогда уже любой подвиг становится по плечу.

Ренэф не горел желанием заводить семью, да и был ещё для этого слишком молод – рэмеи, в отличие от людей, не вступали в брак рано. Однажды, конечно, ему придётся выбрать супругу... точнее, положиться на чужой выбор. И хорошо, если жена будет ему соратницей, одних с ним интересов и устремлений. Хорошо, если брак будет построен на уважении и партнёрстве, как брак его родителей. А в худшем случае придётся всегда и везде, даже в собственных покоях, носить доспех и никому не показывать настоящие мысли и чувства – чтобы не нанесли удар в спину. И когда при-

дёт его черёд обзавестись детьми, между ними не будет той непринуждённости, что царит между Нэбвеном и его дочерьми, несомненно, любимыми каждая по-своему. Нет, для своих детей Ренэф будет таким же далёким и чужим, каким был для него собственный отец, — кем-то, кто вызывает граничащее со страхом почтение, но никак не тепло. И дома никто никогда не будет ждать его так, как здесь ждали Нэбвена.

И никто никогда не посмотрит на него так, как смотрела на своего супруга Наилат.

Раньше Ренэф не задумывался об этом, просто принимал внимание восхищённых им девиц как должное. А теперь от этой мысли сделалось неловко, немного даже больно. Ну подумаешь, ну не посмотрят. И всё же... «Потому-то, поди, дядюшка Хатепер и не обзавёлся семьёй, — со вздохом подумал царевич. — Хотел чего-то большего, чем обусловлено нашим положением».

Раздосадованный сам на себя за неуместную сентиментальность, царевич зашагал прочь, глубже в сад, дальше от царившего в доме веселья. Пожалуй, и правда не помешает по возвращении соблазниться улыбкой какой-нибудь придворной красавицы и выкинуть из головы чужое семейное счастье... а заодно и всяких там недоэльфей.

— Ты ведь не сожжёшь меня карающим солнечным золотом? — робко спросил его ближайший куст.

От неожиданности Ренэф едва не подскочил на месте и невольно схватился за кинжал на поясе. Запоздало он сооб-

разил, что голосок-то был совсем тоненьким, да и слова звучали не очень чётко. Укорив себя за глупость, он улыбнулся.

– Не сожгу, слово царевича Эмхет.

– Настоящий живой Эмхет... – восторженно протянул куст.

– Ну, вроде живой, да. Ты как, выходить будешь? – дружелюбно поинтересовался он и для верности присел на корточки, догадываясь, кого увидит.

Куст напряжённо засопел и чуть пошевелился.

– А точно можно?... Мне не разрешали говорить с сиятельным царевичем... но так хотелось посмотреть поближе...

– Если очень хочется – то можно, – заверил его Ренэф и поманил к себе.

Мальчик всё-таки решился и вышел – тот самый мальчик с непрорезавшимися ещё до конца рожками, которого царевич помнил из видения. В руке он держал тот же деревянный меч. Короткая схенти не прикрывала ободранные коленки, да и прятки в кустарнике оставили свой след. Хвостик забавно подёргивался из стороны в сторону от волнения, но держаться мальчик старался очень серьёзно и с достоинством. Настоящий сын вельможного рода.

Поскольку Ренэф сидел на корточках, их глаза были примерно вровень. И помимо робости царевич различил во взгляде маленького рэмеи ту самую решительность, которая и позволила сорванцу не побояться... ну, почти не побояться обратиться к сыну Императора.

Неуверенно приблизившись к царевичу, мальчик попытался повторить самый настоящий, взрослый воинский салют. Ренэф кивнул, потом взял его за руку и сжал в воинском рукопожатии. Маленький рэмеи просиял, глядя на него с таким восторгом, что царевичу сделалось даже несколько неловко.

– Сиятельный Эмхет, герой Леддны, – восхищённо протянул он и выпалил: – А я знаю, что ты самый молодой из наших военачальников! Я тоже хочу так! Буду брать с тебя пример и стараться... Я уже вовсю тренируюсь, – мальчик кивнул на меч. – В роду Меннту ведь все воины. Только у тёти Мирет жених скульптор, но он хороший. И дед говорит, это ничего, раз в армии служил. И я пойду! А потом буду служить под твоим началом, господин. Вот.

Выдав всю эту тираду, мальчик смутился, залившись краской до кончика хвоста, но прятаться обратно в кусты всё-таки не пошёл.

– Это очень хорошо, – улыбнулся Ренэф. – Мне в отряде будут нужны смелые воины. Тебя звать-то как, мой будущий солдат?

– Сеткау из рода Меннту, сын Хенуит и Сабафа, – тщательно выговорил мальчик.

– Рад познакомиться с достойным внуком старшего военачальника Нэбвена.

– Спасибо, господин царевич... И спасибо, что дедушку спас! Я слышал, мама плакала аж – ну, от радости... Говори-

ла, если б не ты, дед бы не вернулся. А мы его тут очень ждали... Поэтому я обязательно должен служить именно тебе! – горячо закончил он. – Ты только дождись, пожалуйста, когда я вырасту...

– Дождусь, – серьёзно кивнул Ренэф. – А дед твой – один из самых великих воинов, Сеткау. Сам Владыка, да будет он вечно жив, здоров и благополучен, гордится дружбой с ним. И если б не Нэбвен – это я бы не вернулся в Обе Земли... Такого тебе мама, наверное, не скажет, потому говорю я.

Сеткау приоткрыл рот от изумления, не зная, что ответить. Ренэф тоже не знал, что тут ещё сказать, поэтому предложил:

– А может, покажешь мне, чему уже успел научиться?..

Сеткау просиял. В общем, предложение было принято с энтузиазмом.

И пусть в саду было темновато, удовольствия от игры в солдатскую тренировку это никому из них не испортило. Ренэф даже забыл, когда в последний раз так веселился. А вроде и не так много лет прошло с тех пор, как он носился со сверстниками, придумывал достойные легенд сражения и верил в то, что жизнь воина состоит только из славы и подвигов.

Царевич как раз учил Сеткау делать подсечку хвостом, когда их обоих окликнули.

– Ох, господин мой царевич, прости, что он тебе докучает, – всплеснула руками Наилат. – Мы уложили его спать, но

гляди ты, сбежал...

– Ну всё, влетит мне, – вздохнул Сеткау, но прятаться за спину Ренэфа не стал – мужественно вышел вперёд.

Царевич положил руку ему на плечо и чуть улыбнулся хозяйке дома.

– Отнюдь не докучает, госпожа. Напротив, показал себя радушным хозяином и отогнал всякую тоску. Благодарю.

Женщина бросила строгий взгляд на мальчика, но всё-таки улыбнулась в ответ.

– Ну что ж, вот и отбой, солдат. А то завтра не будет сил на новые битвы, – Ренэф подмигнул Сеткау, и тот тихо рассмеялся, отсалютовал деревянным мечом.

– Ты... завтра ещё не уедешь, господин царевич? – спросил он.

– Думаю, ещё денёк мы себе позволить можем, если хозяева не прогонят, – Ренэф переглянулся с Наилат, и та благодарно кивнула. – Надо ж нам всё-таки разобраться с подсечкой, а?... А если меня сюда ещё пригласят, когда у тебя рога совсем вырастут, – заговорщически прошептал он, – я тебя научу колоть орехи по-солдатски. Без этого умения в казармах никак нельзя.

– Ух ты! Вот это да!

Сеткау аж подпрыгнул от радости, потом потрогал пробивающиеся рога, прикидывая, сколько потребуется времени. Наилат прикрыла ладонью рот, скрывая смешок и стараясь выглядеть строже.

Все вместе они вернулись в дом, где обеспокоенные родители мальчика уже накинулись было на него с руганью, но Ренэф попросил в честь праздника отложить воспитательные меры на другой раз, а с Сеткау тайком взял слово, что тот будет слушаться «старших по званию».

Пир продолжался едва ли не до рассвета, и это уже само по себе подразумевало, что с утра выдвинуться в столицу никто попросту не сможет. Нэбвен и Наилат заверили царевича, что будут счастливы видеть его здесь сколько угодно, но Ренэф напомнил о докладе Владыке. Покинуть поместье решено было через день.

Во дворец он собирался возвращаться один, без Нэбвена. И без того натерпелся военачальник по его вине.

Глава 24

Покидая дворец в ночи, в сопровождении только жреца и одного из своих телохранителей, Хатепер укорял себя за недалёковидность. Он промахивался всё чаще – сказывалась не то усталость, не то обилие нитей, которые он удерживал в руках. Великий Управитель ведь знал, что жрецы Стража Порога настроены к Перкау враждебно! Знал, но всё-таки положился на защиту Минкерру. Ну а в том, что другая часть Силы бальзамировщика способна выходить из-под контроля, он сам имел возможность убедиться, но, тем не менее, так и не выделил время, чтобы поговорить с Перкау, когда получил краткий отчёт Итари.

За Итари Хатепер не беспокоился – она прекрасно могла постоять за себя. Таэху как никто умели умирять Сатехово Пламя. Во многом именно благодаря им культ Владыки Каэмит вообще оказалось возможным устранить несколько поколений назад.

Нет, гораздо больше Хатепера беспокоили взаимосвязи, которые он видел и просчитывал. Жрецы Сатеха приложили руку к тому, что произошло в поместье Ареля. И как уже случалось прежде – в той самой войне, когда междоусобицы разрывали Таур-Дуат на части, а потомки Ваэссира правили, по сути, только Верхней Землёй, потому что Нижняя была в руках врага и отдельных управителей сепатов, отказавшихся

принимать чью бы то ни было власть, — культ Владыки Каэмит оказался связан с эльфами. И культ заполучил Хэфера. Добровольно царевич стал его частью или нет, но это произошло, и будет иметь такие последствия, которые никто не мог пока предсказать.

Да, теперь Хатепер по-настоящему пожалел, что откладывал этот разговор. Но после случившегося в Обители Таэху выдержка стала подводить его, а он не мог позволить себе сорваться. Горячих голов вокруг него и без того хватало, и даже Владыка уже потерял терпение. Хатеперу надлежало действовать неизменно деликатно. Его пленник был единственной нитью к культу, к этой части заговора. Паваха они фактически потеряли... А стоило оно того или нет, покажет возвращение Императора. Что сообщат пленники Ренэфа — тоже пока неизвестно.

В храме высокому гостю со спутниками, разумеется, никто не препятствовал — стражи пропустили их по одному жесту, а псы не проявили беспокойства, так как узнали одного из обитающих в храме жрецов.

— Я желаю прежде всего поговорить с пленником, — сказал Хатепер бальзамировщику.

— Мой господин, я не знаю, расскажет ли он тебе, что произошло, — неуверенно проговорил тот. — Он ни с кем не говорил, не пытался даже оправдаться, позволил стражам заковать себя в цепи — и всё.

«Узнаю тебя, Перкау», — подумал Хатепер, вспоминая их

встречи, а вслух спокойно сказал:

– Мне он ответит. Веди.

Жрец послушно провёл его по внутренним коридорам – не в ту комнату, где пленник жил большую часть времени, но в ту, где проводились допросы. Хатепер не удивился.

Бальзамировщик толкнул дверь, открывая её перед Великим Управителем, и дипломат шагнул внутрь, уже предполагая, что увидит. В углу комнаты, опустив голову, сидел Перкау, безучастный ко всему вокруг. Его руки и ноги были скованы, а два стража, ранее охранявшие дверь в его комнату, держали копья наготове. Направленные на пленника острия почти касались его рёбер. Одно неосторожное движение – и воины пригвоздят его к полу, притом так, что спасительная смерть не наступит.

На некотором отдалении тихо переговаривались о чём-то дознаватели Хатепера – Итари и Интеф. В другом углу стояла, поглаживая своих псов, Кахэрка, как всегда бесстрастная. Два бальзамировщика держались при ней, чуть в стороне, и тоже о чём-то переговаривались.

Разговоры стихли, и все почтительно приветствовали Хатепера. Докладывать первым никто не решался – ждали реакции старшего царевича. Взгляд дипломата скользнул по шее Итари. Ожог она почти полностью исцелила – такой же, что отмечал и его запястье, скрытый браслетом.

– Что с мудрым Таа? – спросил он, посмотрев сперва на Итари, потом на Кахэрку.

– Удар был очень силён, но он жив. Без сознания, – сказала Таэху. – Я помогла ему, да и его Силы хватило, чтобы защитить себя.

– Хорошо.

– Мой брат в служении поднимется не сразу, – добавила бальзамировщица. – Но мы благодарны мудрой Итари за своевременную помощь.

– Если Таа не может говорить за себя, отвечать будешь ты, – сухо сказал Хатепер, обращаясь к Кахэрке. – По какому праву вы нарушили приказ? Кто допустил Таа к *моему* пленнику? Выше моей власти в Империи – лишь власть самого Владыки и царицы. А я повелел впускать только Итари Таэху. Более того, Первый из бальзамировщиков подтвердил мой приказ. Доверие Дома Владык снова оказалось попорно.

Бальзамировщики как по команде опустились на одно колено. Стражи порывались сделать то же самое, но, видимо, решили, что сдерживать опасного пленника всё-таки важнее. Даже псы выглядели не то пристыженно, не то раздосадованно, и смотреть на Хатепера избегали.

Кахэрка ограничилась глубоким почтительным поклоном и ответила тихо, бесстрастно:

– Оправданий нам нет и не может быть, господин Великий Управитель. Скажу лишь, что Таа не уведомил ни мудрейшего Минкерру, ни тем более меня о своём решении. Но, как мы поняли из его обрывочных слов, он успел почуять угрозу для храма, нарастающую скверну... Владыки Каэмит, – её

взгляд потемнел.

– Да, это он сказал и мне – «почувствовал опасность», – подтвердила Итари. – И ещё: «Он пытался убить меня». Как целитель я могу сказать, что если бы Таа не был столь сильным жрецом Стража Порога, этот удар он бы и правда не пережил. Перкау не владел собой. Я уже видела это прежде.

Кахэрка не смотрела на пленника, но Хатепер видел, что его действия она одобряет не больше, чем действия Таа. А сам Перкау так и не поднял взгляд.

– Что ж, о делах бальзамировщиков продолжим после, уже в присутствии Верховного Жреца. А пока оставьте нас, – велел дипломат. – Все.

– Мой господин... – запротестовал было Интеф Таэху.

– Если что, успеете – я верю, – невесело усмехнулся Хатепер. – Да и сам я ещё кое-чего стою.

Все пристыженно отводили взгляды. Сомневаться в Силе Эмхет никто не привык.

Стражи нерешительно отвели копыя от Перкау. Дипломат слишком устал, чтобы повторять, и просто коротко кивнул на дверь. Он прекрасно понимал, что обезумевшего жреца Сатеха не удержат ни копыя, ни цепи, и полагался совсем на другую защиту – на ту, которая помогла ему остановить самого Секенэфа. Да и с Перкау было не всё так просто. Хатепер знал: в нормальном своём состоянии жрец на него бросаться не станет. Тогда, в ходе пыток, безумие подстегнуло боль. А вот что подстегнуло его в случае с Итари и Таа...

Впрочем, основную причину, личную, он понимал.

Когда дверь закрылась за последним из выходивших, Хатепер скрестил руки на груди, глядя на пленника.

– Хотел быстрее умереть? Умереть тебе не будет позволено, пока я не отдам такой приказ. Но нападение на одного из преемников Верховного Жреца, а прежде – на одну из тех, кто верен мне, не может остаться без ответа.

Перкау поднял взгляд, усталый, печальный.

– Я знаю это, господин мой Великий Управитель. И вину свою не отрицаю. Я напал на Таа, как прежде напал на Итари Таэху. Я... больше не владею собой так, как прежде, и это пугает меня самого. Но о милосердии твоём я не прошу. Всё в воле Владыки и Богов.

– Итари верит, что Сила эта проявилась стихийно. Однако что-то всё же подстегнуло её... что-то извне? – Хатепер пристально посмотрел на своего собеседника, медля задавать вопрос, который действительно хотел задать.

– Говорят, что в какой-то момент служителей Сатеха постигает безумие... Возможно, именно это произошло и со мной – слишком долго я не обращался к этой части себя. Но всё, что я мог поведать тебе о своём служении, я уже рассказывал тебе, господин, клянусь Богами. То, что происходит теперь, я не понимаю сам...

По крайней мере, жрец говорил искренне. Но это не меняло всего остального.

Хатепер напомнил себе о необходимости не поддаваться

гневу, что бы ни было.

– *Хатеп-Хекаи-Нетчери*, – он подался вперёд, пристально глядя на Перкау. – Знаешь, что это такое?

Глаза бальзамировщика чуть расширились, и он задумался, попытавшись перевести значение.

– Нет, мой господин. Не знаю.

– Удивлён, что Серкат не поведала тебе... Но я знаю теперь, *что* ты пытался скрыть. Ты затащил Хэфера в культ, и притом хочешь сказать мне, что не знал, *кого* пытался сделать из него?! – процедил Хатепер и чуть оскалился, не скрывая раздражения. – Я хочу знать, какова была сделка между ним и древним Божеством. Отвечай мне теперь, когда утаивать уже бессмысленно!

И в эти мгновения впервые он увидел в глазах жреца страх, смешанный с отчаянием, которое тот попытался скрыть.

Безуспешно.

Если прежде Хатепер не был уверен до конца, то теперь знал наверняка: такова и была тайна, которую Перкау защищал всем собой, всей своей волей. Хэфер прошёл таинство посвящения и был теперь не только жрецом Ваэссира, но и жрецом Сатеха.

– На каких условиях? – в голосе дипломата звенел металл. – Посулами Хэфер бы не соблазнился... я знаю его слишком хорошо. Обещаниями могущества, побед – нет. Он вступил в культ в обмен на свою жизнь? Ты заставил его,

подняв из мёртвых? Отдал его Сатеху, пока он был на пороге жизни и смерти? Это низко даже для вас... а Боги ценят в служении лишь свободу воли.

Страх и отчаяние во взгляде жреца сменились ответным гневом, сдерживаемым, но оттого не менее сильным.

– Я бы никогда не воспользовался его доверием! – воскликнул Перкау и закончил с достоинством: – Хэфер Эмхет – мой будущий Владыка, и я верен ему до конца.

– О, в этом я как раз не сомневаюсь... – мрачно усмехнулся Хатепер, но остановил себя прежде, чем окончательно потерял трезвость суждений.

Он ведь почти верно разгадал плетение замысла – разве нет? Если целью нападения была не смерть Хэфера, и даже не столько война, сколько восстановление культа – всё складывалось идеально. В горниле войны возродится утерянное Знание и традиция служения Первому Наследнику Амна, и поможет этому Владыка, благословлённый Силой обоих Богов...

На миг Хатеперу показалось, что его разум обратился в пустыню. Отчётливо он вспомнил собственные слова, сказанные несколько месяцев назад на аудиенции у Секенэфа, когда они направляли Паваха в северный храм.

«Плохой знак... Ша – вестники Отца Войны. То, что они оказались там, да ещё в таком количестве... почти полтора десятка, ты сказал?.. Когда божественное столь ощутимо вмещивается в земное, только глухой не прислушается»

ся...»

Знак напрямую свидетельствовал о воле Божества – Боже-ства, которое выбрало Хэфера для Своего замысла. Но именно жрецы были руками своих Богов.

«Что на небе, то и на земле. Что на земле, то и на небе...» – повторил про себя Хатепер.

Что же он упускал? Павах не был частью культа, нет. На фанатика он не похож, его явно вели совсем иные цели. Да и вряд ли они с Метдженем добровольно согласились бы на пытки – скорее уж ожидали некой награды и верили в свою конечную цель, по крайней мере, Павах. Жреца Сатеха, который, со слов Павах, владел и магией фэйри, воин боялся даже больше, чем самого Сатеха... Кем же, хайту их всех побери, был этот неуловимый жрец, заполучивший наследника трона Таур-Дуат?!

Голос Перкау вторгся в его мысли.

– Я знаю, что никто не поверит мне, мятежному жрецу. Моё слово – ничто против твоего, Великий Управитель. Но знай: мне известно, *кто* ты. И Боги не слепы. Ты никогда не займёшь место Хэфера!

Хатепер был так увлечён близкой разгадкой, что смысл слов жреца дошёл до него не сразу. А когда дошёл – дипломат уже не знал, гневаться или смеяться. Его губы дрогнули в мрачной улыбке, и он со вздохом потёр лоб. Какая тёмная ирония!

– Вот оно что... Всё это время... ты думал, что убийц по

следу Хэфера послал я.

Перкау стиснул зубы, глядя на него с упрямой обречённостью.

«Я чувствую, как твоя воля сминает меня... Расплавленное золото... Испепеляющие лучи солнечной ладьи... Но он найдёт, что противопоставить тебе!»

Последние слова Хатепер невольно повторил вслух. Теперь он понимал их смысл.

– Ты говорил о нём тогда... о Хэфере, – прошептал дипломат.

Жрец отвёл взгляд, явно не собираясь сообщать больше, чем уже сказал. Но большего и не требовалось.

– Ты полагаешь, что он вернётся к нам с войной... И даже не знай я всего – теперь я вижу, для чего тебя обучила Серкат.

Плечи Перкау дёрнулись и опали. На миг Хатеперу показалось, что глаза жреца блеснули отражённым пламенем светильника. Глухое отчаяние исходило от него тяжёлыми волнами, словно сломалось последнее, что держало его.

Дипломат приблизился к бальзамировщику и проговорил уже мягче:

– Если ты и впрямь намерен служить Хэферу, а не использовать в целях, кажущихся тебе верными, – помоги мне найти остальных. Другие ученики Серкат – кто они? Кто пытал телохранителей царевича, заключив сделку с эльфами? И, как по-твоему – возможно ли, чтобы жрец Сатеха мог ис-

пользовать фейское колдовство?

Молчание затягивалось. Хатепер видел, как жрец напряжённо боролся с собой, потому что воспринимал Великого Управителя как своего врага, победить которого не было ни малейшей надежды. Но разум Перкау возобладал, и он пришёл к тому же заключению, к которому в такой ситуации мог бы прийти сам Хатепер: один могучий враг в силах уничтожить другого.

– Мой будущий Владыка направился в пески *сам*, добровольно, и прошёл посвящение. Он искал Силу, способную помочь ему защитить себя и свой трон. Но там, в песках... его пытались убить. Снова. За ним пришёл чародей с двумя лицами.

– С двумя лицами? – переспросил Хатепер. – Ты говоришь о *гламуре*²?

Запоздало он подумал о том, что бальзамировщику вряд ли известно о *гламуре*.

Искусством смены облика в Империи владели только жрецы Тхати высокой ступени посвящения, причём служители именно одной из ипостасей Триждывеличайшего – Вестни-

² Гламур (от шотл. *glamour* – ускользающая привлекательность, колдовское очарование) – здесь: волшебное искусство изменения облика. Термин берет своё начало в средневековых сказаниях о дивном народе, в которых это слово означало волшебные чары, применяемые для отвода людских глаз, зрительный обман, наведённый с помощью магии. Фэйри, чья форма была текучей и непостоянной, пользовались гламуром, чтобы обретать невиданную красоту или, напротив, вызывать страх, или же придавать иной облик какой-либо местности.

ка, Господина Удачи, защитника путников и перекрёстков, того, кто даровал дипломатам красноречие, торговцам – искусство расчётов и понимание мер... а представителям искусств уже не столь уважаемых – собственно, удачу. У могущественных наследников фэйри – высокорождённых, элиты эльфийского народа – была способность к *гламуру*, возможности менять свой истинный облик на любой, даже рэмейский. Но и высокорождённые, и служители Господина Удачи осуществляли это чрезвычайно сложное колдовство нечасто и ненадолго.

– Я не был там, господин Великий Управитель, и могу свидетельствовать лишь со слов господина царевича, – ответил Перкау и продолжал, тщательно взвешивая слова, точно боясь выдать лишнее. – *«Маг пришёл сюда с другим лицом и лишь потом обнажил настоящее – разумеется, не по своей воле»*, – сказал он мне. *«Никогда до этого я не видел полукровку, дитя рэмеи и эльфов... а уж полукровку-жреца – тем более. Поверья о том, что они не имеют души, очевидно, лживы, ведь чем-то он обращается к Божеству...»* Именно этот маг помог разойтись пагубным слухам о том, что Хэфер Эмхет – лишь поднятый тёмным искусством мертвец, – голос бальзамировщика дрогнул от сдерживаемого гнева и надломился. – Но я не знаю, кто он... Я никогда не встречал других учеников Серкат... И когда я покинул её – она больше не искала встреч со мной и не посвящала меня в свои тайны...

Как бы ни было невероятно услышанное, сопоставляя это с услышанным прежде, теперь Хатепер уже ничего не стал отмечать. Источник у слухов, которые пресекали его осведомители, действительно был, и этот источник ему так и не удалось обнаружить.

Он готов был уверовать и в существование жреца-полукровки, которого так боялся Павах. По крайней мере, это многое бы объясняло... Жрец, одним из родителей которого был кто-то из могучих высокорождённых... а вторым – рэмеи. Уж не сама ли Серкат?.. Кто ещё мог бы решиться на такое, в самом деле! И как-то со всем этим был связан Саэлвэ... Неужели?..

Джети, помнится, говаривал, что если бы у Сатеха были такие жрецы – история Таур-Дуат писалась бы совсем иначе. Смешать кровь рэмеи и эльфа было почти невозможно – слишком разные народы, слишком разные предки стояли у корней зарождения расы. Однако иногда такое всё же случалось... Порождениям невероятных союзов не было жизни ни по ту сторону гор, ни по эту – ни один народ не принимал их, и ни одна религия не признавала наличия у них души. Ведь откуда было бы взяться душе, если рождённый не был ни рэмеи, ни человеком, ни эльфом?.. Сами Боги отторгали их, сама природа... И всё же...

Сатех был покровителем всех отверженных порождений этого мира. Такое дитя вполне могло найти себе место под сенью Его забытых заброшенных храмов... А во что оно вы-

росло – было страшно предположить. Что же до Иссилана Саэлвэ – он использовал любой доступный инструмент без всяких предубеждений.

Мысль Хатепера пошла дальше. Если это создание в самом деле унаследовало магию *гламура* от своего высокорождённого отца, а тем более такого отца, одного из самых могучих эльфов за всю историю Данваэннона, – отыскать его будет не легче, чем песчинку в барханах Каэмит. Не так уж много живущих под небом умели прозревать сквозь личину. Почуять эльфа, прикинувшегося рэмеи, мог бы и сам Хатепер – но вот сумел ли бы он почуять *полурэмеи*?..

Да и что дала смесь этих энергий – древней рэмейской магии, которую не использовали уже даже сами рэмеи, и высшей эльфийской? Как могло дитя двух рас трансформировать это Знание под себя, в каком виде – оставалось лишь предполагать.

– Откуда мне знать, что этот маг не заодно с тобой? – Хатепер изогнул бровь. – Даже если я допущу, что он существует. Вполне вероятно, что он помогает тебе теперь. То самое влияние извне. Серкат мечтала возродить культ, создать новую общину жрецов Отца Войны. Ты – один из них.

– Этот маг пытался убить моего Владыку и мою ученицу, – с горечью ответил Перкау. – Он убил нашего патриарха, вожака стражей моего храма. Даже если Серкат обучала его, как и меня когда-то... он не союзник мне. А вот тебе...

На этот раз дипломат не удержался и тихо рассмеялся.

– Я бы разгневался за дерзость, но слишком уж невероятно твоё обвинение.

Перкау изумлённо посмотрел на него. На миг, только на миг Хатеперу показалось, что он мог бы рассказать жрецу всё – о своём расследовании, о том, что Император отправился на поиски сына, – и что это будет верным шагом. Но в итоге дипломат решил не говорить. Он был в смятении, и этот разговор привнёс в его разум ровно столько же ясности, сколько и смуты. Как относиться к жрецу, он не знал до сих пор. Но, по крайней мере, продолжать пытки теперь не было нужды.

Хотел того Перкау или нет, но в этом деле он станет Хатеперу союзником.

– Я получил от тебя то, что мне было нужно, – сказал Великий Управитель.

– Стало быть, теперь ты отдашь приказ о казни?.. – глухо проговорил бальзамировщик.

Хатепер взглянул на него, подавил неуместное сочувствие, напоминая себе, *что* стояло за этим рэмеи, и *чем* грозило Обеим Землям.

– Отдам.

* * *

Когда Хатепер Эмхет вышел, Перкау судорожно вздохнул и обессиленно повалился на пол. Всё оказалось зря, но, по

крайней мере, теперь его ждало избавление.

– Я подвёл тебя, Хэфер... – выдохнул он чуть слышно, пытаясь не осознавать этого, потому что осознание разрушило бы его разум. – Подвёл...

А возможно, разум его уже и так разрушен? Слишком уж невероятной казалась пришедшая мысль: что если Хатепер Эмхет не играл с ним, а действительно не был врагом?..

Вернулись стражи, отвели его обратно в комнату, где он проводил своё заключение, и почему-то сняли цепи. Что-то тихо и успокаивающе говорила Итари, но бальзамировщик не слышал её, замерев на зыбкой границе между потаённым пламенем и спасительной прохладной темнотой некрополей. И лишь когда Перкау остался один, он позволил себе оплакать то, что осталось от его жизни.

* * *

Хатепер шагнул в малый зал приёмов, где уже ждали его Минкерру, Кахэрка и пара бальзамировщиков из ближайшей свиты Верховного Жреца. В этот раз не было здесь только Таа.

Все склонились перед ним. Жестом он остановил Минкерру, попытавшегося встать, обвёл взглядом собравшихся и изрёк:

– В мятежном жреце Перкау мне больше нет нужды. Работа моих дознавателей окончена. Он будет казнён. Делать

из этого всенародную церемонию я не намерен, равно как и делать тайну из самого факта.

По его жесту жрецы поспешно удалились. Хатепер приблизился к Первому из бальзамировщиков и тихо сказал:

– Проследи за тем, чтобы о казни было объявлено, мудрейший. И доверься мне.

Их взгляды встретились. В иных словах не было нужды.

– Я сделаю, как ты велишь, господин, – прошелестел Первый из бальзамировщиков.

* * *

Восстановление заняло больше времени, чем Таа ожидал, – силы возвращались с трудом, а в сознании царила звенящая пустота – почти приятная, такая, как возникала в медитациях. Его тело было словно опалено изнутри, но всё было подвластно искусным целителям, а жрец обладал терпением.

Какому бы наказанию ни подверг его старик Минкерру за то, что Таа нарушил приказ Великого Управителя – оно не будет серьёзным, жрец знал это. Он действовал ради праведной цели, и хоть старший царевич и разгневался на бальзамировщиков, но проявил понимание – мятежник и правда был опасен. А Таа был нужен своей общине, незаменим.

Вести же, которые бальзамировщик получил буквально через несколько дней после спровоцированного им нападе-

ния вместе с вестями о своей ближайшей неприятной, но не фатальной участи, были поистине благостны и окончательно развеяли его тревоги.

По приказу Великого Управителя и Первого из бальзамировщиков мятежный жрец Перкау был казнён по обвинению в нападении на преемника Минкерру и участии в заговоре против Дома Владык.

Царица снова была в безопасности. Таа пока не имел возможности донести ей эту весть и рассказать, как приблизил смерть Перкау, но о самой казни Амахисат наверняка узнала почти сразу же. И, скорее всего, тоже вздохнула с облегчением.

* * *

Сеткау оказался на редкость сообразительным парнишкой и усваивал всё удивительно быстро – сказывалась не то кровь воинов рода Меннту, не то его горячее желание произвести впечатление на царевича. Ну а Ренэф, в свой черёд, с радостью показал не только приём, который обещал, но даже больше – отвёл в лагерь своих воинов на тренировку. Мальчишка ему действительно понравился, да и в компании Сеткау он почти забывал о том, что ему предстояло. Наилат и родители не возражали, напротив, радовались тайком той чести, которая оказана их внуку и сыну, – только наказали ему слишком уж царевичу не докучать. Но Ренэф был только

рад отвлечься от всего.

Воины Нэбвена приняли внука своего командира с тем же воодушевлением, что и солдаты личных отрядов Ренэфа, с которых Сеткау очень хотел брать пример. Дисциплина была мальчику не в новинку, и он не путался под ногами и хвостами старших, зачарованно наблюдая за тренировкой. Ну а уж когда ему даже позволили поучаствовать, а потом и разделить с воинами настоящую солдатскую трапезу, да ещё и проехаться на колеснице самого царевича, счастливее Сеткау, казалось, не было никого в Империи. И радость его заражала.

Увы, время было той роскошью, которой не могли измериваться даже Эмхет. День неумолимо близился к концу, и царевич отдал распоряжения выдвигаться на первой заре. На закате он повёл Сеткау обратно в дом, к родителям.

– Ох, как же я хочу, чтобы ты поскорее вернулся к нам, господин царевич! – воскликнул мальчик, прервав поток своих впечатлений о пережитом дне.

– Ну, жизнь воина Империи знаешь же какая штука – оказываешься прежде всего там, где нужен. А это не всегда там, где хочешь быть, – Ренэф чуть улыбнулся. – Но я буду рад вернуться. Спасибо тебе за радушие, маленький хозяин поместья.

Они прошли через сад, и здесь царевич остановил мальчика, удержал за плечо. Сеткау уставился на него во все глаза с тем же искренним восхищением, хотя, казалось бы, за

два дня мог бы уже привыкнуть. Ренэф снова присел на корточки, чтобы их глаза были вровень.

– Вот что, солдат. Сохрани это – пригодится потом на службе.

Нэбвен отдал Ренэфу свой хопеш. И теперь этот ответный жест казался справедливым. Сняв с пояса свой кинжал – не парадный, с богато украшенной рукоятью, годившийся больше для ритуалов да богатого погребения, а просто любимый удобный кинжал, личный, так хорошо ложившийся в ладонь, – Ренэф вложил его в руки Сеткау. Пришлось при этом сжать мальчику кулачки поверх ножен, потому что у того от избытка чувств задрожали руки и нижняя губа, хотя он мужественно старался держаться.

– Да бери ты, не бойся, – Ренэф ободряюще улыбнулся и поднялся.

– Спа...спасибо, с-сиятельный царевич, – прошептал Сеткау и крепко прижал кинжал к груди.

Ренэф не знал, как сложится их жизнь дальше и возглавит ли он когда-нибудь другие отряды, в которые мог бы вступить и Сеткау. Но он точно знал, что Сеткау-солдату этот кинжал, подаренный с самыми добрыми пожеланиями, послужит хорошо и принесёт искру благословения божественного Ваэссира.

Они вернулись как раз к ужину. А после ужина произошло то неизбежное, чего Ренэф так не хотел, – Нэбвен попросил его о личном разговоре. Военачальник отослал суе-

тившихся вокруг него слуг – суетившихся, как уже успел отметить про себя царевич, с искренней заботой, а не от страха перед хозяином дома – и пошёл сам, хоть и не стал отказываться, когда Ренэф подставил ему плечо. По мерке Нэбвена уже успели изготовить костыль – далеко бы он не ушёл, но по дому и в саду передвигаться вполне мог самостоятельно, чему был явно рад. Царевич с болью подумал о том, что тянул там, в Леддне, слишком долго, что возможно, не промедлил он столько, удалось бы сохранить сустав, и тогда можно было бы сработать нижнюю часть ноги из дерева... Но он отогнал эту невыносимую мысль. Сустав тоже был раздроблен там же, в ущелье, и кости сместились, пока он тащил Нэбвена на себе. Это ему подробно и не один раз объяснил его личный целитель, Тэшен. Прошлого Ренэф поменять не мог, а если б мог – ни за что не стал бы похищать Тессадаиль Нидаэ, остался бы в Леддне. Да что уж было теперь говорить...

Дом затихал, готовился ко сну. В саду же царил умиротворяющий покой. Ветер шептался в ветвях плодовых деревьев и в зарослях тамарисков, набрасывал фигурную рябь на поверхность декоративного озера, заросшего лотосами и бумажным тростником, символами Верхней и Нижней Земель Таур-Дуат. И звёзды... здесь так хорошо были видны звёзды, целые россыпи. Ренэф понял вдруг, что почему-то уже очень давно не смотрел подолгу в ночное небо. Сейчас это его почти успокаивало.

Нэбвен кивнул на какое-то дерево у пруда, и царевич по-

мог ему расположиться поудобнее, а сам сел рядом, у воды. Отводить взгляд от отражённой в тёмном зеркале звёздной россыпи не хотелось – тогда бы пришлось смотреть в глаза собеседнику.

– Ты собрался уходить без меня, Ренэф, – в голосе военачальника прозвучали нотки укоризны и печали.

– Да, я отправлюсь на доклад Владыке один, – с вызовом ответил царевич. – Командир всегда отвечает за своё войско. И хоть ты старше меня по званию, я – сын Императора. Я сделал что сделал, мне и отвечать.

– Так ведь и я не за твои действия отвечать собираюсь, а за свои, – Нэбвен вздохнул и, как показалось Ренэфу, улыбнулся. – Ты хочешь защитить меня... как и я тебя.

Царевич обернулся к нему и бросил – холоднее, чем хотел.

– Не сто́ит.

«И так уже защитил...» – закончил он мысленно, но вслух говорить не стал.

– Мне известно, что после всего случившегося ты направил срочный отчёт Владыке, да будет он вечно жив, здоров и благополучен. Но прежде *я* направил *свой*. А там... уж прости, но изложил то, о чём ты докладывать не хотел, – Нэбвен смотрел на него серьёзно и спокойно, не сожалея – просто сообщая правду. – Я благодарен тебе, мой друг. Но что бы ты ни говорил и ни думал – моя вина тоже велика. Я не сумел защитить тебя в Лебайе.

– Да как ты...

Нэбвен вскинул руку, не дав ему договорить.

– Пока я – всё ещё твой командир, Ренэф. По праву, данному мне твоим отцом. И вот мой последний тебе приказ: один ты не уйдёшь, не оставишь меня позади, – его голос и взгляд смягчились. – Вместе ношу нести легче. А то, что случилось в Лебайе – *наша общая ноша*.

Ренэф замер, осмысливая услышанное. Нет, Нэбвен не пытался его унижить, не думал, что он не справится. Но прятаться за спиной царевича военачальник не хотел, напротив – желал смягчить гнев Владыки, разделить удар, предназначавшийся ему, Ренэфу.

– Я не считаю тебя виноватым, – возразил царевич. – Ты не мог просчитать всего! А там, где мог просчитать, – там я тебя... не послушал... и ввёл в заблуждение.

– Твой отец направил меня с тобой, прежде всего чтобы защитить тебя. Вот с чем я не справился. А если ты лишишь меня возможности ответить перед Владыкой вместе с тобой... – Нэбвен улыбнулся ему тепло и открыто. – Нет, ты слишком уважаешь меня, чтобы обесчестить в моём, возможно, последнем бою.

Ренэф вздохнул.

– Уже не спрашиваю, зачем ты нарушил приказ царевича и рассказал о «Пьянящем вздохе». Лучше скажи, когда успел направить гонца? Я ведь за всем следил.

– Я предполагал, что могу уже и не вернуться в Леддну, и оставил последние распоряжения на случай моей смерти.

Одним из них было доставить Императору это послание... а написал я его намного раньше, ещё в деревне Сафара. Скрывать правду, чтобы защитить себя, я не стану.

— Но если тебя обвинят в том, что по твоей вине едва не погиб последний наследник Владыки... — упавшим голосом произнёс Ренэф и тряхнул головой. — Да никогда я такого не допущу!

— Знаю, — Нэбвен чуть подался вперёд, коснулся его руки. — Знаю... Как и я не допущу того, чтобы жестокая игра, в которую ты оказался втянут, разрушила всю твою жизнь.

С умением выражать свои чувства, в том числе благодарность, у Ренэфа всегда было не очень хорошо. Так и сейчас он не нашёл слов для того, что переполняло его, и просто стиснул руку Нэбвена в крепком воинском рукопожатии.

* * *

Гонцы принесли радостные вести — отряды царевича Ренэфа и военачальника Нэбвена прибыли в столицу. Апет-Сут приветствовала воинов, вернувшихся с победой.

Амахисат получила эту весть ещё раньше. Уединившись, чтобы подготовиться к встрече, она тайком проскользнула к маленькому личному алтарю. Царица опустилась на колени и сжала между ладонями статуэтку Аусетаар, божественной матери Ваэссира, к которой взывала всё это время. И слова благодарности, которые она шептала, были не менее ис-

товы, чем прежде – молитвы. Медово-золотистый алебастр отозвался теплом, чуть вибрируя, откликаясь.

И когда Амахисат поднялась, расправила плечи, с почтением ставя изображение Богини на место, она была готова ко всему. Её юный сокол вернулся домой целым и невредимым – вот то, что имело значение.

А всё остальное она сумеет преодолеть и отведёт от него удар любого врага.

Глава 25

– Что с тобой? Сама не своя уже несколько дней, – с тревогой проговорила Мейя, расчёсывая и переплетая свежewe-мытые волосы цареvны и попутно втирая в них ароматные масла. – Или недужится тебе? Вели мастеру дать тебе отдых. Нельзя же так!

– Нельзя, – эхом повторила Анирет, нехотя заглядывая в бронзовое зеркало, отразившее её посуровевшее лицо. – Нельзя ни дня пропускать. Так мало времени...

На миг полированная поверхность исказила её черты так, что те преобразились в черты брата.

«Спасибо, что помнишь меня живым...» От неожиданности девушка едва не выронила зеркало, но сдержала возглас – не хотела говорить Мейе о своём странном видении, в котором ожила статуя в гробнице.

– А кому ты пользу принесёшь полуживой? – возразила подруга, не прерывая своего занятия.

– Да будет тебе. Я же Эмхет, – цареvна чуть улыбнулась, встречая взгляд Мейи в зеркале. – Золотая кровь и Сила.

Мейя прищёлкнула языком, и Анирет отчётливо представила, как она закатывает глаза.

– Кровь кровью, а беречь себя хоть немного надо. Твои товарищи по каменоломням хотя бы ночью спят, да так крепко, что армейский рожок не разбудит. А ты что? Над свитка-

ми сидишь, а потом чуть свет – в мастерскую. Да и то, что в мастерской недавно случилось, меня беспокоит...

«Меня тоже. Я не понимаю, что стало причиной видения...» – подумала Анирет, но говорить об этом вслух не нашла в себе сил.

Что-то произошло тогда, она знала точно, и это было связано с тем, что от неё тщательно скрывали. Поговорить бы с дядюшкой! А она так и не решилась даже письмо ему написать – садилась, начинала, но слова не ложились во фразы, и Анирет сама осекала себя, чтоб не тревожить Хатепера попусту. В конце концов, отец призвал его в столицу не потому, что соскучился по брату, а по неотложным делам. Царевна успокаивала себя тем, что ещё до исхода месяца и сама отправится в Апет-Сут, на празднование Разлива. Вот тогда-то она и сумеет обсудить с Хатепером всё, что её тревожит, – только бы дождаться! И хотя до празднования оставалось всё меньше времени, Анирет казалось, что она зря откладывает послание, что видение не было пустым. Произошло что-то важное, касавшееся их всех, – а таким своим ощущениям Анирет, как-никак урождённая жрица Ваэссира, верила.

Мейя говорила что-то ещё, но царевна думала о своём – о том, чтобы напомнить мастеру о его обещании показать священную глину. Уж не думает же он, что царевна забудет о своей просьбе? Анирет чувствовала, что это тоже было чрезвычайно важно, точно могло достроить в сознании некий кусочек понимания. А вот после уже и письмо получится на-

писать.

Меж тем подруга закончила с её волосами, и царица поднялась, обняла девушку, крепко и тепло.

– Я очень тебе благодарна за заботу, ты бы только знала! Само твоё присутствие поддерживает меня. Не знаю уж, где бы я была, если б не ты.

– А как иначе, госпожа моя? – Мейя обняла её в ответ, потом лукаво улыбнулась, чуть отстранившись, чтобы посмотреть в глаза. – Жаль только, ты меня совсем не слушаешь. Но хоть в саркофаг тебе слечь раньше времени я не дам.

Обе рассмеялись. Когда Анирет выходила из комнаты, она встретила взглядом с Нэбмераи, ожидавшим её у двери. Внешне невозмутимый, особенно при других, воин поклонился и занял место за её плечом. Но в его глазах царица успела различить тень того же беспокойства, и это напомнило ей о хрупком доверии, что начало, наконец, выстраиваться между ними. Та ночь у реки и последующий разговор помогли ей взглянуть на их историю иначе. В ходе одного из вечерних занятий Нэбмераи осторожно спросил, что произошло в мастерской, но когда Анирет не ответила – настаивать не стал, лишь напомнил коротко, что поможет.

Это было приятно.

Мейя осталась в доме, пообещав зайти позже и при этом выразительно посмотрев на Таэху. Они и правда проводили много времени вместе, пока царица была занята, но свои обязанности служанка исполняла безукоризненно и точно,

всегда готовая помочь Анирет и словом, и делом.

До мастерской они шли вдвоём, молча, хотя поговорить хотелось о многом, и, как царевна чувствовала, не только ей. Она помнила, что Нэбмераи хотел связаться со своим дядей, Верховным Жрецом Джети, – должно быть, уже связался, но если ответ и пришёл, воин ничего не сказал. «Нет, не пришёл, – с неожиданной уверенностью подумала вдруг Анирет. – Он бы сказал». И в этом у неё не было ни тени сомнений – что-то решилось ещё в тот момент, когда она показала Таэху письмо Хатепера.

Остров Хенму пробуждался с рассветом. Жрецы возносили молитвы Великому Зодчему. Возвращались с раннего лова рыбаки. Открывались мастерские и рынок. Возобновлялись под звучные песни, скрашивавшие тяжёлый труд, работы в каменоломнях. Сейчас, когда Анирет и Нэбмераи шли к её учителю, жизнь уже кипела вовсю, и весёлый гомон во круг отгонял смутные страхи.

Нэбмераи толкнул дверь мастерской, привычно убеждаясь, что внутри безопасно. Эта его привычка порой заставляла девушку закатывать глаза, ведь остров был закрытой общиной, а помимо посвящённых воинов храма здесь сейчас были и воины из императорской стражи, часть её небольшой свиты. Но она давно поняла: спорить с Таэху на этот счёт было совершенно бесполезно. Для неё он был как Ануират для её отца – те Владыку ни о чём не спрашивали, когда дело касалось его безопасности, а делали так, как считали нужным.

После короткого обмена приветствиями Нэбмераи сел ждать в тени навеса у дверей, а Анирет прошла вглубь мастерской за своим учителем. Вскользь ей подумалось, что имени своего наставника она до сих пор так и не узнала. Когда он начал раскладывать инструменты, чтобы перейти к сегодняшнему занятию, царица проговорила учтиво, но твёрдо:

– Погоди, мастер. Ты просил дать тебе несколько дней.

Старший рэмеи вздохнул и медленно кивнул.

– Я всё думал, как сделать это лучше... показать тебе больше или оставить как есть.

– Что ты имеешь в виду? – Анирет нахмурилась: на её личный взгляд, вокруг и так скопилось слишком много тайн.

– Глину из храма я принёс. Здесь она, – мастер кивнул на ничем не примечательную полукруглую корзину, прикрытую такой же плетёной крышкой, как и другие. – Но достаточно ли... Вот об этом и думал, – он пристально посмотрел царице в глаза и после долгой паузы проговорил, будто решившись: – Пойдём со мной, и ни о чём пока не спрашивай, госпожа.

Анирет серьёзно кивнула. Мастерскую они покидали вместе – Нэбмераи сопровождал её повсюду, но он-то тем более ни о чём спрашивать не собирался. Их путь лежал в центральный храм, оплот культа Великого Зодчего в Таур-Дуат, вокруг которого и была построена вся остальная жизнь острова Хенму. Но мастер повёл царицу не к алее, ведущей

к главному входу, а куда-то к боковым помещениям. Когда они миновали храмовые сады и колонные залы, обнимавшие молельные дворы, сейчас полупустые, и дошли до каких-то неприметных дверей, мастер остановился и обернулся.

– Дальше тебе нельзя, – сказал он, обращаясь к Нэбмераи. – Только госпожа царица.

Таэху скрестил руки на груди, смерив мастера спокойным взглядом, говорившим очень многое.

– Вели своему стражу остаться, иначе мы никуда не пойдём, госпожа, – вздёрнув подбородок, упрямо сказал мастер. – Ему ли не знать, что жрецы разных культов далеко не всеми таинствами делятся даже между собой. Я не приглашал Таэху.

– Я чту таинства Великого Зодчего, уважаемый, – негромко проговорил Нэбмераи. – Но жизнь царицы Эмхет, вверенную мне самим Владыкой, чту больше прочего.

– Ты что же, Таэху, полагаешь, мы навредим ей? – возмутился мастер, даже не скрывая своего негодования. Анирет никогда не видела, чтобы он настолько терял терпение. – Это уж слишком – не теперь, когда я веду её во Внутренние Мастерские! Жизнь госпожи царицы вверена и нам тоже! Пока она гостит здесь, все мы отвечаем за неё перед Владыкой, да будет он вечно жив, здоров и благополучен.

Нэбмераи просто стоял и смотрел, и Анирет знала, что сейчас был как раз тот самый момент, когда воин сделает всё по-своему. Она могла бы приказать ему остаться и ждать.

Может, он бы даже послушал... Пронеслась мысль о том, что Таэху преследовали свои цели, и, возможно, Нэбмераи хотел лишь воспользоваться ситуацией, получить знания, к которым в ином случае не имел бы доступа... пронеслась и угасла, так и не обрета до конца форму.

Доверие. Им предстояло однажды править их возлюбленной землёй вместе.

Анирет коснулась руки Таэху, и почувствовала, как напряжены его мышцы.

– Позволь нам пройти вместе, прошу, – тихо проговорила она, обращаясь к мастеру, используя ту потаённую часть себя, из-за которой об Эмхет говорили, будто они способны повелевать жизнью каждого в Обеих Землях. – Я отвечаю за своего стража, как вы отвечаете за меня. Если он нарушит что-то, за то держать ответ мне, Анирет Эмхет, дочери Владыки Таур-Дуат.

Под своей ладонью Анирет ощутила, как уходит напряжение Нэбмераи. Мастер замер от неожиданности, потом нахмурился, переводя взгляд с царевны на воина и обратно. Она видела его нежелание впускать их, его сожаление, что вообще дал согласие, его готовность отказать... но нечто в глазах Анирет остановило его в последний момент.

– Тебе держать ответ, дочь Владыки, – сухо проговорил он и отпер дверь.

Анирет отняла ладонь, шагнула в полумрак за учителем, вся поза которого, сдержанная, напряжённая, выдавала его

недовольство. Пересекая порог, она ощутила, как пальцы Нэбмераи коснулись её пальцев, едва-едва, но не случайно, и чуть улыбнулась.

Они оказались в узком коридоре, ведущем вниз – видимо, во Внутренние Мастерские. Здесь на стенах не было росписей, и впереди Анирет различала ещё несколько дверей, скрывавших разветвлённые переходы в храмовые помещения, доступ в которые был закрыт даже для большинства обучавшихся в Хенму скульпторов и художников.

Они двигались по каким-то переходам, минуя тайные за-
лы, и мастер бдительно следил, чтобы никто из них никуда не заглядывал. Здесь царила тишина, нарушаемая мистичными звуками, казалось, принадлежавшими иным реальностям, – тихой музыкой, перестуком камня и звоном металла. Пространство преломляло далёкие голоса – не то песни и гимны, не то смутные многоликие речитативы, которые бормотали жрецы и жрицы, зачаровывавшие и оживлявшие камень и глину. Анирет казалось, что она вошла в самую утробу творения, и в какой-то мере так и было – Внутренние Мастерские храма были отражением мастерских Великого Зодчего и Матери Живых. Здесь воссоздавались отражения дарованной ими жизни – статуи, наполненные жизненной энергией Богов и смертных, храмовые атрибуты, удивительные амулеты... и легендарные големы, которые, согласно слухам, помогали рэмеи в войне так же, как эльфам помогали творения их волшбы родом из зачарованных чашоб.

Анирет не запоминала дорогу, да и не ставила себе такой цели – была уверена, что мастер намеренно ведёт их так, чтобы запутать. А Нэбмераи, должно быть, следил. Или, может, просто прислушивался к мистичному течению жизни здесь, соприкасаясь с иным, неподвластным даже Таэху Знанием? Ведь что Таэху ценили больше, чем Знание?..

Наконец мастер привёл их в какой-то тёмный зал и запер дверь, а потом зажёл светильники по стенам. Зал, безусловно, был мастерской – Анирет видела полуобработанные куски камня, которым предстояло стать стелами, и инструменты. А в центре зала лежала фигура, укрытая полотнами тканей с нанесёнными на них формулами заклинаний. Такой покров придавал ей сходство с мумией. Вот только размеры... в статуе было полтора или два рэмейских роста.

– Ты обещала, что тебе держать ответ, дочь Владыки, – сухо напомнил мастер, отставляя светильник на один из столов и обходя фигуру. – Замкни уста и свои, и своего стража, госпожа царевна, – таинство это не для чужих глаз.

Анирет спокойно кивнула, не в силах отвести взгляд от того, что было скрыто под полотнами. Нэбмераи рядом с ней, казалось, даже не дышал, преисполнившись ощущением важности момента.

– Вот что мы создаём по просьбе твоего отца-Императора, да будет он вечно жив, здоров и благополучен, – торжественно произнёс мастер, стягивая одно из полотен и обнажая лицо, едва отличимое от живого.

Царевна вспоминала легенды о Гончарном Круге Матери Живых, иносказательно говорившие о том, что в смертном теле было собрано всё, что составляло земной план бытия – и соли земли, и животворные паводковые воды. Вспоминала всё, что знала как жрица, об одухотворении материи, и то, как впервые держала в руках комочек священной глины, когда дядюшка Хатепер рассказывал ей о причинах вражды и общем враге, а в его ладонях рождался маленький сокол, которого он обжёг после и подарил Анирет в качестве амулета. Когда она брала этого сокола в руки, тот казался почти живым, как и все артефакты, являвшиеся не безделушками, а вместилищами энергии. Но то, что она видела перед собой... было чем-то совсем иным.

Мастер поманил её к себе, и она приблизилась, заглянула в безмятежное, точно спящее лицо статуи, различая оттенки краски, так похожие на цвета живой кожи, особенно при неверном освещении светильников и длинных тенях мастерской. В чертах было что-то от статуй Ваэссира, охранявших входы в святилища, но форма рогов была не как у Эмхет – такая встречалась часто среди жителей Империи.

Сознание Анирет было по-жречески отстроено, а восприятие – обострено до предела с самого мига, как она переступила порог храма. И потому сейчас она чувствовала... нет, не вполне жизнь – скорее, своего рода *ожидание жизни*, потенциал *жить* внутри этого творения. И этот потенциал звал её, робко, с надеждой. Царевна коснулась лица ста-

туи, ощутив прохладу окрашенной глины или камня, отодвинула ткань, оглядывая прижатую к телу руку, сжимавшую нечто вроде короткого спрятанного в ладони цилиндрического жезла с иероглифической формулой, положила свою ладонь на сомкнутые пальцы голема и прислушалась. Всё затихло, даже отдалённые голоса и звуки в храме – она слышала только ритм своей крови, размеренный, как бой ритуального тамтама, и звук этот точно нарастал издалека. Пальцы гиганта под её ладонью вдруг дрогнули, и это показалось совершенно естественным...

Рука мастера мягко сжала её запястье.

– Позволь ему спать, госпожа, – тихо проговорил он. – Хотя на твой зов, на зов золотой крови, могут подняться все големы нашего храма.

Анирет отняла ладонь, и статуя снова стала лишь статуей. В тот миг, даже без слов учителя, она поняла основную суть таинства – эта жизнь была отражением жизни, дарованной Амном. Материя одухотворялась тем, что *уже* существовало.

И какова была цена, какова была жертва, она не хотела знать, но уже понимала, что узнает. Потому что если отец велел создать новых големов – он готовился к войне.

Мастер накрыл статую полотнами, задержал на несколько мгновений взгляд на лице голема и шепнул что-то ласково. Царевна невольно подумала о родстве, которое скульпторы, а тем более скульпторы-мистики, испытывали со своими тво-

рениями.

Потом старший рэмеи притушил светильники и вывел Анирет и Нэбмераи наверх. Здесь, в царстве солнечного света и привычных живых форм, могло показаться, что всё при-
виделось, что не было только что похода во Внутренние Мастерские и дрогнувших пальцев под её ладонью. Но именно здесь Анирет осознала, почему сегодня ей так нужно было попасть в тот зал.

Она отчётливо увидела разницу. Хэфер в её видении не был ожившей статуей из священной глины. Он был действительно, по-настоящему *живым*. И осознание этого будоражило разум царевны не меньше, чем изначально – весть о его смерти.

В тот день мастер отпустил её, и Анирет бродила по Хен-му, пытаясь отвлечься и мысленно составить послание дяде. Она была рада, что Мейя осталась ждать в доме и не задавала вопросов, была благодарна задумчивому молчанию Нэбмераи. Они прогулялись по шумному рынку, где царевна купила свежего хлеба, мёда и фруктов – на общую трапезу идти не хотелось. Ноги сами понесли её к тихой речной заводи, но девушка осознала это, только когда они уже пришли. Здесь, под защитой пальм и тамарисков, она пыталась успокоить свои мысли после того сна. Изумрудные заросли бумажного тростника, волновавшегося на ласковом ветру, ослепительная игра лучей в индиговых водах, отражавших бирюзовую

высь неба, далёкие рыбацкие лодочки и большие гружёные баржи – всё казалось совсем иным в красках дня.

Анирет устроилась в тени, сняла с пояса флягу и сделала несколько глотков тёплой воды, только сейчас почувствовав, как пересохло в горле. Нэбмераи опустил рядом с девушкой её тканую сумку с покупками.

– Садись. Деревья отбрасывают вполне достаточно тени – твоя нам ни к чему, – она чуть улыбнулась, не сводя задумчивого взгляда с реки, и отвлеклась только чтобы разломить хлеб.

Таэху присел неподалёку, собранный, бесстрастный. Место было уединённым, а всё же при свете дня риск оказаться увиденными был велик. Анирет вздохнула и протянула ему половину лепёшки, сдобрив её мёдом, и воин благодарно склонил голову, хотя есть не спешил.

– Мне позволено сказать?

– Что? – не поняла царица.

Его губы дрогнули в сдерживаемой усмешке.

– Ты, госпожа, приказала, чтобы я говорил с тобой, только когда обратишься.

И она вспомнила, что так и было с той ночи – даже в ходе занятий она всегда начинала разговор первой. Царица не выдержала и рассмеялась.

– Ну, в таком случае даю своё дозволение.

Таэху посерьёзней и тихо сказал:

– Благодарю тебя. За доверие сегодня... и не только сего-

дня.

В его глазах она прочла гораздо больше, чем эти слова, но и без того знала, что её решение пойти в святилище вместе было верным.

– Без доверия то, что предстоит нам, будет невыносимым, – ответила царица.

– Пожалуй, – согласился он чуть слышно, отводя взгляд.

В молчании они ели ароматный хлеб с мёдом, запивая водой из фляг. Потом пришёл черёд фруктов. Хорошая трапеза всегда помогала заземлиться после любой жреческой работы, а увиденное сегодня определённо требовало заземления.

Анирет размышляла о том, как многое должен уметь и как много должен делать Владыка Обеих Земель, о том, сколько своей жизни он отдаёт Таур-Дуат. Она вспоминала отца, то, что узнала его *по-настоящему* как рэмеи Секенэфа, а не как Императора, только в последний год, и теперь даже скучала по общению с ним. А ведь к текущему моменту, после стольких лет, он был гораздо больше Ваэссиром, и гораздо меньше – Секенэфом. Как тяжело было дяде... а может, и матери.

Сколько ему оставалось впереди?.. Много говорили, что никому не под силу будет заменить его на троне. Но сейчас царица думала о том, что никому не под силу заменить его в сердце тех, кто его знал и любил.

Давно её уже не удивляло, что срок жизни большинства Императоров был меньше, чем у других Эмхет и у простых рэмеи. А теперь узнала она и о другой цене, о других жерт-

вах. Никому не даровали Боги Силу ради пустой славы, и горе тому, кто не понимал этого.

– Ты не будешь в этом одна, – вдруг проговорил Нэбмераи, точно прочитав её мысли. – Не забудешь, кто ты.

Она невольно вздрогнула, сфокусировала взгляд на его лице, знакомом каждой мельчайшей чёрточкой, немилосердно обрисованном сейчас ярким светом солнечной лады.

Его глаза были совсем как Великая Река – ласковая индиговая глубина, в которой играл свет. Манящая.

«Твоему удивительному сердцу это понадобится, когда однажды у тебя не найдётся подходящих слов, чтобы выразить всё...»

Анирет достала из потайного кармана заветный кусочек бирюзы, и камень привычно отозвался в ладони теплом, чуть завибрировал. Не говоря ни слова, она вложила талисман в руку Нэбмераи и спустилась ближе к воде, чтобы умыться.

Вот и всё. Шаг был сделан, и она не жалела – просто отпустила эту ладью по течению, на волю Золотой. Стоя спиной к Таэху, девушка улыбнулась, раскинула руки, почувствовав, как легко вдруг стало на сердце. Как будто краски мира стали чуточку ярче, и отступили тяготы – перед надеждой, связанной с любимым братом, перед безымянным чувством, притаившимся в груди, перед пониманием, что грядущее будет ей по силам.

Когда она обернулась, чтобы подняться, Нэбмераи уже стоял и ждал её, так и сжимая в руке кусочек бирюзы, а в

другой держа её опустевшую сумку. Если он и хотел что-то сказать, то не мог. Но такой его взгляд Анирет уже видела прежде – на праздновании в Тамере.

А почти такой – совсем недавно, во сне.

* * *

«Как о многом я бы хотела поговорить с тобой, и не всё я могу доверить письмам. Мне не хватает тебя и твоей мудрости, не хватает наших бесед. Но я знаю, что твоё внимание не может быть отдано только мне. Эмхет издревле принадлежат всей Империи, и ты – даже больше многих из нас. Ты и так всегда находил время для нас троих... и для меня.

И всё же, когда я вернусь в Апет-Сут, я хотела бы украсть немного твоего времени и поговорить обо всём. О том, что пока скрыто от меня. О Павахе. О Хэфере. Мне были видения, смысл которых ты, возможно, сумеешь понять лучше, потому что тебе ведомо больше. Я видела незаконченную гробницу. И видела ту себя, которой должна стать.

Пишу тебе, чтобы до нашей встречи ты успел поразмыслить и взвесить, о чём действительно стоит мне рассказать. Прошу, будь милостив и развеяй сумрак моего неведения. Не могу не надеяться на это сейчас, когда мне это так нужно.

Я была в Мастерских. Но ты, должно быть, уже знаешь. Теперь я понимаю больше... в том числе и о об

одном из своих видений.

А ещё, знаешь, я всё чаще вспоминаю твоё пожелание мне. Возможно, оно и правда сбудется...

Да хранят тебя Боги, дорогой мой дядюшка.

С неизменной любовью,

Анирет»

Царевна перечитала письмо и запечатала. Перед глазами отчётливо стояло лицо Хатепера, и от этого становилось теплее. Свои страхи она не стала доверять листу бумажного тростника, ведь от этого всё могло стать реальнее. Ренэф вернётся, и что бы ни произошло в Лебайе, родители и дядя сумеют разобраться. Уж кто-кто, а царица Ренэфа не бросит, поможет преодолеть всё. Ну а Император и Великий Управитель сумеют разрешить сложности с Данваэнноном.

Мысль о том, что Владыка, даже соблюдая мирный договор, готовился к войне, не покидала её. Анирет раз за разом вспоминала свои беседы с дядей о том, что делает народ единым, о внутренних распрях, о необходимости общего врага; она думала о сложном узоре враждебного замысла, в который оказались вовлечены и бедный Хэфер, и Ренэф, и в котором сама она не увязла только чудом – благодаря тому, что большинство её просто недооценивали. Пока тайна оставалась тайной, пока другие в ней видели лишь бледную тень её близких, она была в безопасности.

Но Анирет устала быть тенью. Чем больше она узнавала, в том числе и саму себя в новом качестве, тем теснее ей ста-

новилося в клетке чужих представлений о ней. Сколько лет ещё придётся провести, скрывая правду? Насколько постепенным будет её восхождение? Ведь править ей предстояло не из теней, пусть прежде она и не мечтала о власти. Не мечтала и теперь, но знала, что принесёт на благо Обеих Земель любую жертву, какая от неё потребуется.

«Сила, что до поры не осознаёт себя сама, подчас сияет ярче той, что гордится собой...»

Что ж, теперь она начинала осознавать. И это тоже стало причиной сделанного шага.

Тихий стук в дверь возвестил о приходе Нэбмераи. В вечерние часы было время их занятий, посвящённых военному делу. Таэху оказался действительно хорошим учителем, как и предсказывал дядюшка Хатепер. Его знания казались бездонными, и рассказывал о великих битвах, об искусствах стратегии и тактики, о премудростях военачальников древних и современных он по-настоящему захватывающе.

Сегодня, когда они остались наедине, Таэху держался без обычной своей спокойной уверенности. Анирет невольно улыбнулась, подмечая небольшие детали, выдававшие его волнение, – то, как чуть дрогнули его руки, когда он раскладывал карты перед ней, то, как он едва заметно запинался, выбирая тему для рассказа. Девушка знала точно: бирюзу он ей не вернёт.

Их уединение было обманчивым – в этом доме они никогда не оставались одни. Нэбмераи помнил об этом. Помнила

и царевна, и лишь смотрела на него теплее, внимательно слушая, хоть и знала, что с приходом ночи он вернётся в объятия Мейи. Будто невзначай несколько раз соприкасались их плечи и руки, когда они склонялись над картами. Ближе, чем раньше, лежали их ладони на невысоком столике со свитками, и никто не спешил убирать свою.

Занятие подходило к концу, но воин как будто тянул время, уточняя что-то, а Анирет подыгрывала ему, задавая дополнительные вопросы. Медленно и чрезвычайно обстоятельно Нэбмераи собирал свитки, хотя и прежде отличался, как и все Таэху, бесконечно бережным отношением ко всякому хранилищу знания. Почти ничем он не выдавал себя. Но вот все свитки были уложены по ларцам и сундукам, и остался только один. Нэбмераи задумчиво покрутил его в руках, а потом передал Анирет.

– Непременно изучи эту мудрость, когда найдётся время, госпожа, – сказал он, чуть улыбнувшись. – Доброй ночи.

С поклоном Таэху удалился. Анирет развернула свиток почти сразу, как за Нэбмераи закрылась дверь и стих звук его шагов. На нескольких листах бумажного тростника, разложенных в определённом порядке, содержались изречения военачальника Сенджема, служившего ещё под началом её деда, Императора Меренреса. Но верхний лист завершался цитированием одного из посланий, обращённых к госпоже Итеки, супруге Сенджема, написанного из очередного дальнего похода.

Это была песня, которую царевна знала когда-то, но уже забыла. А ведь слова эти до сих пор иногда вспоминали столичные поэты, потому как Сенджем был знаменит своим даром в искусстве слова не менее, чем воинской доблестью.

*Я взираю на лунную ладью, чей свет ласкает тебя,
Я внимаю голосу вод, что несут мне вести о тебе,
И кажется веком мгновение,
Пока я вдали от тебя...
Прошу, дождись победного клича сокола,
И наша встреча вспыхнет ярче Звезды Разлива.
Животворными водами,
Сладким вином граната,
Голос твой вернёт жизнь
Сердцу, онемевшему в долгом пути...*

Анирет вздохнула, с улыбкой перечитывая нежные строки, написанные другим воином для другой женщины почти век назад, но в эти мгновения предназначавшиеся именно ей.

* * *

Дни потекли своим чередом. Мастер держался ровно так, как прежде, словно посещение Внутренних Мастерских им привиделось. Но Анирет и не задавала вопросов – привыкла к тайнам, – и это их обоих устраивало.

Зато теперь она особенно ждала вечеров, когда её сердце пело и отдыхало. Нэбмераи не умел слагать песен, как сам и признался ей той давней ночью после ритуала. Но он находил способы сказать ей, не нарушая их тайны, то, что желал передать. И песня Сенджема в итоге оказалась не единственной, хотя вслух они по-прежнему говорили о политике и военном ремесле.

Как ни скрывала Анирет дар Золотой, расцветающий в ней, а всё же от подруги не укрылись перемены в ней – покой радости, обнимавший её изнутри, помогавший преодолеть и смутное тёмное неведение, и тревогу за близких.

– Давно не видела тебя такой, – с улыбкой сказала Мейа как-то утром, поднося царевне воду для умывания. – Ну, кто он? Жрец? Мастер? Ты же все дни проводишь в мастерской да на каменоломнях.

Царевна подняла взгляд на подругу, сражаясь с собой, чувствуя, что граница, которую провели между ними тайные приказы Владыки, ширится, разрастается в трещину. Мейа, её верная Мейа, смотрела так искренне, с таким участием и не без доли игривого лукавства, ведь они с юности привыкли делиться своими мыслями. Почему же единственной близкой подруге нельзя было знать?.. Кто, как не Мейа, в которой не было ни лжи, ни зависти, будет рядом с ней, когда однажды она станет Императрицей?.. И простит ли подруга, что оставалась в неведении?

Но потом Анирет вспомнила взгляд отца, не приказ его

даже – просьбу, горечь и тяжесть, лишь часть которой она могла разглядеть в его глазах и постичь, всю ту надежду, которую он возлагал на неё. Теперь, когда отец *по-настоящему* видел её, когда их помыслы впервые стали действительно близки, разве смела она нарушить его доверие? Разве смела поставить под удар то, к чему было приложено столько сил её родных?.. Нет, она не верила, что Мейя может предать. Но даже случайно оброненного слова, неверного взгляда или жеста могло оказаться достаточно, чтобы разрушить всё. Нэбмераи понимал это и играл свою роль до конца.

И Анирет преодолела минутную слабость, встретила взгляд подруги и взяла её руки в свои.

– Это не то, о чём ты думаешь, – с улыбкой покачала головой царица и закончила полуправдой: – Просто наконец, после такого долгого пути и стольких вложенных сил мне удалось то, к чему я стремилась.

Мейя улыбнулась в ответ, и Анирет не была уверена, что её выдержки хватило на то, чтобы подруга поверила ей до конца.

– Ну, расскажешь в свой срок, – сказала Мейя. – Что бы ни было, если это даёт радость твоему сердцу, то и я рада.

В груди кольнуло, но подруга говорила искренне, как и всегда. Анирет крепко обняла её, пообещав себе, что объяснит всё сразу же, когда только будет можно, и надеясь, что к тому мигу трещина не превратится в бездну.

– Ну а как обстоят дела у вас со стражем? – заговорщице-

ски шепнула царица, едва не пожалев о своём вопросе.

Мейя мягко рассмеялась и мечтательно закатила глаза.

– По-прежнему хорош, всё так же неустанен. Но я всё больше убеждаюсь в твоей правоте – жрец он и есть жрец. Его мысли... Знаешь, иногда я чувствую, что он как будто не со мной. Молится он что ли прямо в моих объятиях? Вот ни капли не удивлюсь.

Анирет ощутила смесь тревоги и радости. Как и ей самой, ему всё труднее было скрывать. А безмолвное признание царицы пробило брешь в его щите.

– Вернёмся в столицу – посмотрим. Может статься, мне и правда стоит обратить внимание на кого-то из придворных? Не для меня, похоже, ни жрецы, ни воины, – весело сказала подруга, блеснув глазами, и тихо добавила: – Но на ложе с ним и правда мало кто может сравниться. Жаль будет...

– Ну всё, всё, – отмахнулась Анирет со смехом. – Ты мне и так рассказала за всё это время столько, словно это не ты, а я сладко коротала с ним ночи в Хенму! Если он так хорош, то отчего же вспомнила придворных? Ты всегда находила их скучными, не приняла даже ухаживания сына управителя Кеваба.

– Может статься, чуточку скучно, зато спокойно. Как раз то, что надо... Да ты не бойся, не обижу я твоего стража! – подмигнула Мейя. – И если уж угодно будет Богам, что мы расстанемся скорее, чем предполагали оба, я не сделаю ему больно. Сделаю так, чтоб обо мне остались самые что ни на

есть приятные воспоминания. В конце концов, нам обоим ещё предстоит служить тебе много, много лет.

Анирет оставалось только развести руками. Спросить напрямую у Нэбмераи она бы не решилась.

Тем вечером пришли вести из столицы. Унаф, верный писец Великого Управителя, доставил письмо, и не одно. Второе предназначалось Нэбмераи.

Анирет не спрашивала, решив, что он расскажет сам, если того пожелает. Вместо этого она распорядилась, чтобы писца достойно разместили в доме, и пригласила его к ужину. За трапезой она и узнала, что отец отбыл в паломничество, чтобы подготовиться к Ритуалу Разлива, и теперь делами управляет мать. Ренэф вернулся в Апет-Сут буквально вчера, но никаких подробностей о молодом царевице Унаф не знал и сообщить ей не мог – сказал только, что брат её пребывает в добром здравии, но отряды его значительно поредели. Анирет понимала, что узнает больше лишь когда вернётся – даже слухи ещё не успели разнестись, тем более сюда, а Хатепер, похоже, торопился направить вестника.

– Пора и тебе уже возвращаться, госпожа моя царица, – проговорил писец. – Спешки нет, но быстроходная ладья всё же идёт отсюда до столицы немногим меньше декады. Мой господин Великий Управитель просил, чтобы ты завершала свои дела и велела снарядить его «Серебряную» в путь.

– Так и сделаю, – кивнула царица, сдерживая радость и

волнение.

Учитывая всё случившееся, она и правда хотела попасть домой. Ну а вернуться к обучению она успеет уже после Разлива.

– Наконец-то назад, к столичной жизни! – воскликнула Мейа с улыбкой. – И праздник... Боги, да это просто самая чудесная весть, которую мы получали за всё время пребывания здесь, господин Унаф!

Писец заулыбался, смутившись, когда красавица приветливо коснулась его руки. Нэбмераи неопределённо пожал плечами, не отрываясь от запечённой в меду утки.

Когда с трапезой было покончено, Анирет удалилась к себе, чтобы в тишине прочесть письмо дяди.

«Не скрою, что твоё послание встревожило меня, родная, хоть последние строки отзываются во мне радостью.

Вскоре нам и правда предстоит поговорить очень о многом. Некоторые вести опечалят тебя. С тем, кто был твоим другом, приключилась беда, которой мы не ждали.

Хочу узнать больше о твоих видениях, ибо были такие и у меня.

Мы ждём возвращения Владыки. Обновление нужно всем нам не меньше, чем нашей земле. Возвращайся в столицу так скоро, как сможешь, – пришло время нам всем воссоединиться для празднования.

Я очень жду нашей встречи и думаю о тебе каждый

день среди всех дел, что уже почти похоронили меня под собой. Эти мысли придают мне сил.

Да хранят тебя Боги, моя ясная звёздочка. Скоро свидимся».

Анирет перечитала, коснулась строк губами, почти чувствуя родной запах, потом бережно спрятала письмо в ларец.

Позже пришёл Нэбмераи.

– Мейя увлечена обсуждением столичных вестей с писцом твоего дяди. Я предпочёл сбежать, – он усмехнулся. – Им есть о чём поговорить. Нам с тобой – тоже.

Не спрашивая, Таэху сел рядом с ней на циновки и протянул ей маленький свиток.

– Это же...

– Я обещал, что спрошу у Верховного Жреца о судьбе Паваха. Читай. А потом я поясню.

– Дядя писал, что с ним приключилась беда, которой никто не ждал, – в свой черёд рассказала Анирет, беря письмо.

– Так и есть, – голос Нэбмераи звучал сухо, но царевне показалось, что-то его глубоко изумило и задело.

«Мой дорогой племянник,

Я рад любой вести от тебя, пусть и скупой. Обитель без тебя опустела. Не скрою, тяжело знать, что вернёшься ты ещё так нескоро и едва ли надолго. Смею надеяться, что случай увидеться выпадет нам хотя бы во время празднований Разлива...»

– Выпадет, – уверенно сказала Анирет, поднимая

взгляд. – Я знаю, что ты тоже скучаешь... Помнишь, я ведь обещала тебе, что мы непременно посетим Обитель при первой же возможности. Так давай сделаем это сразу же, как закончатся торжества в столице, на которых я должна присутствовать.

– Я буду очень этому рад, – просто сказал Нэбмераи, но его улыбка быстро померкла: – Читай же дальше.

«Что до твоего вопроса о нашем госте – увы, я понимаю, что это знание тебе нужнее, чем любые мои тёплые слова, – об этом мне трудно рассказать. Мы окружены условностями. Он стал учеником Кахеп. Старик его хорошо принял. Ты понимаешь, что это означает, лучше прочих. Обучение было кратким. Теперь разум гостя расколот, и, боюсь, даже моё искусство не столь велико, чтобы это исправить.

Я могу рассказать больше при встрече. Как бы там ни было, помни, что дома тебе всегда рады, как бы далеко ни увёл тебя твой путь. Да хранит тебя Аусетаар в обеих Её ипостасях...»

Дядюшка был прав. Несмотря на всё, Анирет не забыла о старой дружбе, из-за которой так тяжело оказалось перенести предательство Паваха. И весть действительно изумила и опечалила её. Если даже один из величайших целителей Империи говорит, что он бессилен... Что же могло произойти с бывшим телохранителем Хэфера?

Она вернула письмо Нэбмераи.

– Кахеп – старейший из живущих хранителей знания, хра-

нитель библиотеки Обители, – сказал воин. – «Хорошо принял» – такая честь бывает оказана немногим, уж поверь. Это означает, что он счёл Паваху достойным и показал ему больше, чем смертный неподготовленный разум вообще способен принять. Почему – об этом узнаем уже от Верховного Жреца, если и правда решим поехать в Обитель. Но ты обучалась у нас... обучалась как... – он не закончил, лишь многозначительно посмотрел в глаза царевны, и та кивнула. – Ты соприкасалась с запретным Знанием, пусть и не прошла этот путь до конца. И ты, дочь рода Эмхет, была готова. Так вот, Кахеп провёл Паваху ещё дальше... и это... путь без возврата. Это не даёт мне ответ о твоём видении. Возможно, мы узнаем больше, когда встретимся.

– Обязательно, – тихо, уверенно сказала Анирет.

Теперь Павах уже ничего не сможет рассказать никому. Но она должна была увидеть его. Вдруг хоть что-то ещё можно сделать?..

Мысль о том, что время истекает, обожгла её. Чуть подавшись вперёд, царевна коснулась губами щеки Нэбмераи, тёплой под вязью шрамов, и шепнула:

– Благодарю тебя за доверие, друг моего сердца.

Таэху поймал её руку и прижал к губам её ладонь, поцеловал запястье, оставляя поцелуе сладкой дрожи. Как тогда, в Тамере, его хвост переплёлся с её, но тотчас же отпустил. Никто из них не мог позволить себе большего.

А мгновения были удручающе коротки.

– Пора вернуться к битвам, – чуть слышно, с сожалением проговорила Анирет.

– Когда ты побеждён, остаётся вдохновляться чужими победами... – улыбнулся Нэбмераи, нехотя выпуская её руку.

Царевна была с ним согласна.

Глава 26

– Дорогу! Дорогу царевичу!

Сегодня на улицах Апет-Сут было не протолкнуться – столица радовалась возвращению младшего сына Императора, а поглазеть на это хотелось всем. Казалось, даже быки, впряжённые в телеги, и ишаки, развозившие воду, специально останавливались посмотреть, перегораживали дорогу и ещё больше усиливали давку.

Ренэф, то и дело наталкиваясь на препятствия, уже отчаялся направить коня быстрее, чем шагом. В какой-то момент у него иссякло терпение даже на сдержанные улыбки, которыми он отвечал на приветствия – от них уже сводило челюсти. Да ещё солнце палило нещадно, как раз сообразно сезону. Лучи небесной ладьи слепили, отражаясь от стен величественных сооружений его предков, выстроенных из традиционного светлого камня. Глаза заливало потом. Очень хотелось скинуть, наконец, доспех, ну или хотя бы заменить шлем головным платом. Никто ничего не сказал бы, но нужно было соответствовать. Всегда.

А ведь ещё не так давно всеобщее внимание приносило ему удовольствие. Разве не приятно было промчаться по центральным улицам в сопровождении верных воинов, ловя восхищённые взгляды и слыша хвалебные возгласы? Когда он успел потерять к этому вкус?

Сегодня хотелось побыстрее добраться до дворца и покончить с медленной му́кой. Миг и без того непростой встречи с родными всё откладывался, и ожидание выматывало. Позади остался район казарм, куда Ренэф отправил основную часть их с Нэбвеном солдат. Царевича и военачальника сопровождали два небольших отряда, включавших телохранителей. Замыкающие воины охраняли пленников, прибывших с ними из Лебайи.

Наконец впереди замаячили высокие светлые стены дворца. Ворота во внутренний двор были распахнуты, стражники замерли торжественно, словно храмовые статуи. Почувствовав, как вдруг пересохло в горле, Ренэф сделал несколько глотков отвратительно тёплой воды из фляги, притороченной к седлу. В тот момент он поймал взгляд Нэбвена, ехавшего в повозке рядом. Военачальник чуть улыбнулся и ободряюще кивнул ему.

Расправив плечи, вскинув голову, Ренэф направил коня вперёд, мимо отсалютовавших ему стражников. Скакун царевича гордо прогарцевал по двору, выбивая торжественную дробь по каменным плитам.

Здесь, под сенью тенистых садов, было прохладнее. В центре двора высился знакомый с детства фонтан с огромной статуей Ваэссира. Первый Эмхет, вскинув руку, точно благословлял собравшихся и прибывших.

На лестнице у высоких золочёных врат, украшенных соколами и кобрами, в окружении вельмож и стражи ждала ца-

рица, а за её правым плечом стоял Великий Управитель. Рядом с ними усердно трудились слуги с опахалами. Один уже спешил к царевичу, но юноша отмахнулся – опахало ему не помогло бы. Тут было впору с разбегу нырять в реку.

Взгляд Ренэфа выхватывал в толпе знакомые лица. Здесь был даже Шесаи, темнокожий великан из Нэбу, служивший начальником дворцовой стражи Императора так давно, сколько царевич вообще помнил.

И только самого Императора не было... Сердце неприятно кольнуло. Неужели гнев отца был настолько велик, что он пренебрёг сложившейся в их семье традицией? Или то был не гнев, а презрение?..

Ренэф спешился, снял, наконец, шлем и поклонился царице и Великому Управителю. Под крики приветствий он поднялся по лестнице. От сияющей радостью улыбки матери, от тепла во взгляде дяди стало легче дышать. И среди всех ликующих возгласов он отчётливо различил именно их искренние голоса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.